

АЛЕКСАНДР МИНЧЕНКОВ

СОКРОВИЩА ДЪЯВОЛА

СИБИРСКИ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИ
РОМАН

Александр Михайлович Минченков
Сокровища дьявола
Серия «Сибирский
приключенческий роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66437512
Сокровища дьявола: Издательство «Вече»; Москва; 2021
ISBN 978-5-4484-8726-2

Аннотация

Золото во все времена влекло к себе людей притягательной силой. От драгоценного металла лихорадило многих. Кто с достоинством относился к нему, добывая непосильным трудом из недр земли, а кто и вопреки Божиим заповедям, и пренебрегая совестью, продав душу дьяволу, овладевал им, совершая тяжкие грехи. Ломка нравов, попираание человечности, отчаяния и радости – всё это переплеталось в людских судьбах и на страницах этой захватывающей повести.

Роман признанного мастера приключенческого жанра, рассказывающий о лагерной жизни на приисках и шахтах Золотой Лены в период массовых репрессий XX века.

Содержание

Александр Минченков	4
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	61
Глава 8	70
Глава 9	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Александр Минченков

Сокровища дьявола

© Минченков А.М., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Глава 1

– Вы мне, Лукерья Ильинична, не темните, не жмурьтесь, руками разводите – ничего не видели, ничего не знаете, – наседали на пожилую женщину участковый лейтенант Крайков, дабы дознаться, в курсе ли она о местонахождении её сына Матвея Спиридонова, сбежавшего сутки назад из колонии, что у посёлка Смольного. Он скрытно исчез из-под надзора, покинув каторжный труд в шахте.

Таких лагерей для заключённых в далёком таёжном крае несколько, почти на каждом прииске, обосновавшихся среди гор и речек. Дармовой труд заключённых с довоенных лет всюду спросом пользовался, и во время войны, а здесь на золотых промыслах особо. Седьмой год пошёл, как фашистов одолели, а до сей поры тут заключённые горб гнут на сибирских горных работах.

Побег устроили трое, среди них и Матвей. Мужик видный, как бык годовалый, в сажень ростом, ручищи, что оглобли саней, только короче. Всех служивых подняли на ноги, и приисковую милицию привлекли, всё ж они местный народ отменно знают, да все пути-дороги им в районе ведомы. Милиции это не в жилу – своих дел хватает, а тут ещё и розыск заключённых, пропади они пропадом.

Посёлок Артёмовский, он самый крупный в районе, а сотрудников правопорядка, что пальцев на одной руке: на-

чальник, участковый, следователь, старшина и сержант-водитель, хотя территории хватает – посёлков, относящихся к прииску, несколько. В одном направлении Восьмая Каменистая и Весенний. В другую сторону – Догалдын, Смольный, Серго, а в третью – Апрельский. До Весеннего девять километров, до Серго – одиннадцать, до Апрельского – всего-навсего четыре.

Работы стражам спокойствия в достатке, то кто с кем подерутся, где ножами страшая, размахивают, особо среди якутской среды, а то и за ружья хватаются, раздоры семейные и кражи меж местных, бывает, и с производства чего утянут. Разбираться по каждому делу приходится и иной раз подолгу дознание вести, смотря, кто и как чего вытворит, кого на трое, кого до пятнадцати суток арест наложат, а бывало, и до суда доводили – порядок прежде всего и другим показательно станется. На каждом большом прииске свои участковые, а если же что серьёзно где случается, из вон выходящее вывернут, так городская милиция за сыск берётся, хватки и сноровки у них хватает.

– Да отколь, милоч, мне знать о нём? Мучаешь бабку зря, если б и явился, так ага, гляди, так и раскрыл он мне карты. Поди, не глуп, скажи кому в ухо, так другой языком разом подхватит. Откель ж мне знать, коль одни потёмки от неведенья. Ты не пришёл, так и знать не знала б, об чём спрашиваешь.

– Может, забегал в поспешности, что прихватить из одёж-

ки и съестного, обмолвился, куда подался? – продолжал Крайков.

– Вот уж неугомонный. Да как ж тебя вразумить, пошто в толк не возьмёшь? А ежели и сбёг, так в тайгу, поди, ноги потащил, а можа, аще куда... Будет он тебе по избам шататься... – ответствовала Лукерья.

– В тайгу... – вслух повторил участковый и молчком прикинул: «По избам не будет, в этом есть правда, от чужого глаза сторониться в его интересах... В тайгу... А куда ж этим разбойникам больше податься. Затихнут в глуши, да на Большую землю начнут пробиваться... Ладно, те двое, что с ним, урки – матёрые убийцы, но Спиридонов-то, что с ним, куда ему, ведь явно не по пути, ещё глубже в дерьмо окунётся. И думаю, всё же Спиридонов либо в доме своём появится, с женой увидеться, либо к матери наведается, прежде чем дальше в бега кинуться... Время не терпит, наблюдение требуется устроить. Надо бы Егора Скорняка насторожить, он за бутылку водки кого хочешь продаст, а тут халява подвернётся – приметил – доложил...»

– Ладно, если что, то дай знать тихонько, для вашего же сына польза будет, если сам явится. А поймают вопреки, так срок увеличат, а жизнь на зоне, сами знаете, горше редьки будет, у заключённых нормы выработки в шахте куда более, чем у вербованных и местных, вот и будет мантулить, горбнуть лишние годы. Вразумили?

– Так, так оно, соколик, так... – ответила Лукерья, а сама

сидела и свои думы думала – в душе рада, что Матвей из ярма выскочил, на свободе, но и озаботилась, как бы с ним дурного чего не произошло – всякое бывает, коль человек в розыске. Ох и наслышана и насмотрелась, какие заварушки бывали.

Участковый ушёл, а бабка обратилась к образам, прочла молитву и засобиралась. Решила поехать в посёлок Артёмовский, там проживала невестка – жена Матвея с двумя ребятами. У самой-то избышка на Серго – рабочий посёлок немаленький, потому как вблизи несколько шахт, в нём и проводила своё время в одиночестве Лукерья. Когда сама навещала родных, когда они навевывали старушку. Благо, имеется железная дорога, по ней паровоз таскал вагоны – перевозил смены рабочих с посёлков на прииски. Местные называли паровоз «Мараказ». Кто так придумал, что это значило, никто не знал и не интересовался, «Мараказ» и всё – так оно и пристало.

Денег за проезд платить не надо – перевозка рабочих в пассажирских вагонах по веткам от Артёмовского до Весеннего и до Серго здесь на затратах самого прииска, посёлок и значился с таким же названием – Артёмовский.

А вот что касемо перевозки леса и разных технических, промышленных и продовольственных грузов «Мараказами» из районного центра Бодайбо до всех посёлков, а равно и приисков, так это уж заведено на содержании управления железной дороги, кому трест «Лензолото» – управлявший

всеми золотодобытчиками и подотчётными хозяйствами исправно покрывал расходы. Перевозка людей из города до Артёмовского (а это семьдесят пять километров вдоль речки Бодайбо) и обратно – тут уж пассажиры платили сами за себя, по тарифу пути, кто бы то ни был и откуда и куда едет. Начальство, правда, те только на дрезине разъезжало. А промежуточных приисковых посёлков несколько: Стрелка, а кто называл Перевал, Кяхтинский, Балахнинский, Ежовка, Тетеринский, Васильевский, Красноармейский, Громовский, Апрельский, а уж за ним упомянутый – Артёмовский или, как его кратко и чаще называли, – Артём.

Всюду дома с усадьбами, с частным подворьем и огородами, а как без этого. Свиньи, куры, вырастить картофель и разные овощи – это почти у всех, иные держали коров и лошадей, единицы – кролей, коз и гусей. Казалось бы, к чему, коли прииск имел скотную базу, птичник и поля посевные для выращивания многолетних трав и корнеплодов – и всё для людской потребности – мясо, яйцо и молоко всегда в продаже, ан нет, для многих – сэкономить копейку на личном труде – и своё есть своё!

Имеются и грунтовые дороги, соединяющие прииски на всём протяжении золотоносной речки Бодайбо и далее на прииски Средней и Дальней Тайги, отчего и город получил таковое же название – Бодайбо. Появилось название вроде как от слов «Подай Бог», так поговаривали первые люди, пришедшие в тайгу сами по себе за лёгкой долей, за фартом,

или доверенные лица купцов в поисках золотиносных месторождений, в надежде, что Господь поможет им быстрее обнаружить в тех или иных речках золото. Кому везло, а кто возвращались ни с чем, потому как не все речки и ключи открывали свои закрома. Время показало за годы много разного, всякое бывало – благородному металлу радовались и страдали.

От конечных пунктов доставок поездом далее грузы развозились автомашинами и лошадьми. Бодайбинку, так ласково называли местные жители золотую «кормилицу», благоговорили, ведь и множество речушек и ключей, впадающих в неё, всё же раскрыли людям свои кладовые, а с этим были и радости и печали, горести и любовь. Даже песню сложили «Бодайбинка»:

Ой, да ты тайга моя густая,
Раз увидишь – больше не забыть!
Ой, да ты девчонка молодая,
Нам с тобой друг друга не любить!
Помню я таёжное зимовье
На закате розовой луны,
Облака, окрашенные кровью,
И густые ели спят вдали...

Полные слова песни звучали частенько за застольем в домах жителей, распевали широко, словно они, выстрадавшие людьми этого сурового края, за душу брали, в печаль кида-

ли, а иных задуматься приглашали.

Я теперь один в горах Витима,
Скрылась путеводная звезда,
Отшумели воды Бодайбинки,
Не забыть тайги мне никогда...

Край изобильный до самой реки Лены, что золотом, что зверем и лесом шибко богат! А рыбы-то! Всё больше хариус, валёк, ленки, а таймени наряду с этим в более крупных речках Ленского водораздела озоруют – Витим, Патом, Жуя, Чара, Олёкма, а мелких речек и не перечесть. Да и озёр полно, водились щуки, карась и окунь, это почти в расчёт не бери – сорная рыба, то рыбалка больше любительская. Одним словом, речек, ручьев и ключей со странными названиями, придуманными эвенками и тунгусами с давних времён, их тьма-тьмуца! Разбросали они свои водяные рукава среди многочисленных сопок и гольцов извилистыми лентами, где быстрыми, стремительными, где спокойными, с уловами. И в большинстве хранят в своих недрах жёлтый металл. Не зря и зовётся эта бескрайняя сибирская тайга Золотой Леной.

Приисков несколько, и все на почтительном расстоянии друг от дружки, и в каждом горные работы, словно грибы после обильных дождей, – драги, шахты, гидравлики, а где и копошатся артелями – старатели небольшим людским числом. Самостоятельно моют пески, но с разрешения приискового руководства на отработанных добычных участках, сколь на-

мыли – сдай в приисковую кассу. Плата для всех артельных одна, постоянная, на то государством установлена. Умыкнул кто самородок иль отсыпал втихую золотишко и на этом попался, считай, пропал – тюрьма, а то бери и выше – могут и на пожизненную каторгу сослать. Госконтролёры и инженерно-технический персонал приисковый, сотрудники отдела по борьбе с хищением социалистической собственности, да осведомители, прикормленные милицией, всегда начеку. А посему гуртом, да под приглядом друг за дружкой работы и копошились в породах, особливо при промывке песков на бутарах и доводке лотками. Трепетное дело, когда с бутар трафареты с ячейками и коврики снимают – сколь ж намыли, какова ноне удача? А при доводке лотками и того подавно – во все глаза смотрят на блескучие «сливки» – золото! Что за день намыли, сообща на противень и над огнём подсушат, на весах взвешают и в кассу. А там всё строго и по счёту – сдал – принял, и в бумагах пропишут. Опосля и держи наличные на всю бригаду, и делись, кому сколько положено. И так изо дня в день, пока речку шуга не задавит, потом жди весны – и сызнава за тачки, лопаты, кирки и бутары. Счастливики, кому содержание золота там или сям в породе фартовое попадало, так радости у старателей через край.

Лукерья решила поехать немедля – на обеденном «Мараказе», чтобы вернуться вечерним домой. Ехать-то каких-то чуть боле десяти километров и в аккурат мимо Смольного. Пригорело предупредить невестку Галину, знает ли она о

случившемся, да чтоб в готовности находилась.

Из окна вагона проплывали ближайшие шахтовые терриконы, промелькнули строения Смольного. Лукерья знала, выше посёлка в распадке зона, огороженная колючей проволокой и с бараками, там содержали заключённых. Вышки по периметру ограждения и надзор что ни на есть строгий, и где проживали, и в местах работы, коими для них в основном являлись подземные работы, мокрые забои и тягостные нормы выработки по откатке породы на-гора. Народец всякой масти, в основном преступники за разные злодеяния и сосланные из разных республик, а оно и из областей российских. Несколько и местных осужденных, попавшие под одну гребёнку, с одного котла скудную похлёбку ели со всеми.

Теперь на Смольный Лукерья посмотрела другими глазами, с иными мыслями. Вот уж как получается, вот как жизнь по-всякому поворачивается, всякими полосами дни и даже годы раскрашивает – то бело, то серо, а то и чёрно. Когда с мужем Григорием сюда переселенцами ехали, трудный путь осилили, потом корни пустили, посветлело на душе – улыбнулось счастье. Избушку на Серго сладили, заработки вполне достойные труду пошли, сын Матвей родился, вырос, женился, детки пошли, а тут и дом на Артёме поставил и перебрался. Здесь всё же посёлок многочисленный, видный, школа-десятилетка, магазины разные, клуб большой, народ сибирский приветливый, живи и радуйся.

Лукерья с мужем остались на Серго. А чего, работа ря-

дом – трудился в тутошной шахте, и избушка больно нравилась, не просторная, маленькая, но уютная. А тут опять полоса чёрная – задавило породой Григория в забое – прорвал плавун, и крепь не выдержала, горе это кое-как Лукерья вынесла, слёз вылила много, слава Богу, внукам радовалась, отвлекали от мыслей грустных, а это жить помогало. А тут ещё одна чернь накатилась – Матвея арестовали и засудили. Да сколь же можно горя вынести?! Вот и состарилась прежде положенного времени Лукерья, не на женщину средних лет выглядела, а на старушку смахивала. Звали родные перебраться к ним на Артём, так нет, отвечала: здесь Гриша мой лёг, тут и я как время придёт рядом прилягу, и крестилась, что-то шептала. И всё ж в последнее время иной раз задумывалась: «Можа, и вправду, пока Матвей освободится, в дом сына перебраться?.. Всё помощь невестке какая, в заботах думы притухнут, да и сообща горе в сторону сдвинем...»

Глава 2

Крайков, как покинул Лукерью Спиридонову, прежде чем уехать в Артёмовский, посетил Скорняка, проживал он один почти на окраине Серго. Визиту милиционера тот удивился:

– Здравствуйте, будем, Илья Матвеевич...

– Не пугайся, по делу заглянул.

– По делу, то ладно, а я уже подумал по душе, так опять-таки вроде ничего не напакостил.

– Как живёшь-можешь, Скорняк? Маешься, поди, от безделья?

Хозяин хаты, который год на производстве не работал, но и в тунеядцах не числился. Получив травму, назначили пенсию по инвалидности, прихрамывал на одну ногу, шабашил в меру своего здоровья, тем и жил. Когда на прииске трудился, так по причине любить выпить разнорабочим всюду побывал, переводили с места на место, оттого горняки и дали Егору прозвище Грач. Прикипело это ему прозвище, а он и не обижался. Ещё на другом прииске работал, на драге – где перенести чего, где подать, то грязь с палубы убрать, помыть. Так раз умудрился в минуты отдыха забраться в высоковольтную щитовую и уснул. Смена работу закончила, новая прибыла, а Скорняка нет. Где он? Кинулись искать, всю драгу обшарили, словно в воду канул. А тут кто-то и подхватил: «Точно канул!» Тревога всех охватила, давай багра-

ми и «кошками» дно котлована прощупывать по периметру понтона и с лодок. Долго царапали, да толку – нет человека! «Знать, заилило...» В электрощитовую никто заглянуть не догадался, чего ему там быть, коль это опасный для жизни электрический ввод на драгу и монтаж оборудования плотный всем известен и табличка висит: «Не влезай – убьёт!» Как он там влезился, знают только он и Бог. Скорняк, выспавшись, вылез из «почивальни» и на палубе понтона «нарисовался». Рабочие кто от удивления, кто с угрозой: «Ты где был! Всех на уши поставил!» А Скорняк глазами хлопает, понять ничего не может. Потом дошло, вернее, начальство вразумило. С драги уволили, и оказался он на шахте номер девятнадцать, пришлось на Серго переехать ближе к месту новой работы.

– Да ничаво живу по малу, то там, то тут копеечку сшибу, на хлеб хватает.

– А на водку?

– То трохи, шибко по карману бьёт, а когда кто и угостит.

– Знаешь Матвея Спиридонова?

– Да кто ж не знает. – Скорняк глянул в лицо Крайкова, хотел прочесть, к чему вопрос. – Посадили мужика, огородили колючей проволокой от семьи, а ён вроде как человек справный был.

– Так вот, вчера сбежал из колонии, теперь в бегах. Ищем.

– Сбежал! – воскликнул Скорняк. – Поглянь-ка, ну прям удалец. Как ж так он закрутил из-под охраны ноги унести?..

Не уж пришиб кого из охраны?..

– Никого не убил. Смог, раз сбежал. Да не один, а с двумя сообщниками.

– Да иди ты, ажно трое! Ну и дела... Знать, все на дыбы, и вы, Илья Матвеевич, тоже. Ну и пироги со вкусом... В прошлом году пятеро сбёгли, однако всех выловили – куда из этой тайги вырвешься, всё одно поймают, дороги-то одни отседова, и этих словят, и срок домотают. А в другой раз ранее, помню, ишло один сбёг, так того так и не словили, а ён караульного убил. А эти, вот дурни.

– Я и говорю о том же: поймают и добавят.

– Уж тут я не сомневаюсь – добавят за энто дело.

Крайков достал из кармана пачку «Беломора» и коробок спичек, вынул папиросу и прикурил, предложил Скорняку, тот не отказался и попросил пару штук, лейтенант отдал ему всю пачку.

– Премного благодарен, а то всё махоркой горло деру.

– Помочь Спиридонову хочешь от греха вызволить?

– Не понял?.. – Скорняк вскинул брови.

– Слушай сюда, Грач: чем быстрее узнаю я, где укрывается эта тройка, тем лучше для них. Те двое ладно, отпетые бандюги, им тюрьма, что мать родная, и пожизненно по ним плачет, а вот Матвея жалко, глупость ему боком вылезет, а у него семья, сам понимаешь. А посему помощь твоя нужна.

– Как ж и чем помогу? Я не судья и не прокурор, а вот каков есть, сам знаешь.

– Совесть, слава Богу, не пропил, так уваж. Устрой тихий пригляд за избой бабки Спиридоновой, само собой и за Лукерьей, наверняка Матвей появится у неё. При таких обстоятельствах и вещички ему понадобятся и харчи, так что нужда приведёт. Что заметишь, так немедля дашь знать – до шахты доскочишь и позвонишь в отделение, а если ночью, так мне на квартиру. И в таком разе не мне, а Матвею поможешь, а тебе за усердие пару «сучков» поставлю.

«Сучком» люди называли самую дешёвую водку, поговаривали, вроде делают её из древесных опилок, оттого и прикипело такое название. А так это или не так – никто в подробности не вдавался, покупали, пили. На светло-зелёной этикетке же было крупно пропечатано одно слово «Водка» и мелко – кто изготовитель.

Скорняк оживился: первое – две бутылки водки получит, второе – добрую услугу Матвею окажет, меньше срок, раньше к семье вернётся.

– А чего, справлю, как просишь, отчего не помочь.

– Тогда лады, будь здоров, – Крайков поднялся и пошёл к выходу из ограды, а прежде чем покинуть хозяина, предупредил: – Смотри, Егор, никому ни слова о нашем разговоре.

Скорняк ничего не ответил, а лишь в знак понимания кивнул головой.

Сколь причуд устраивал Скорняк, так о них не только Серго знало, но и все посёлки, что при прииске Артёмовском. Жена рассталась со Скорняком до его инвалидности,

надоело ей его пьянство и дурь терпеть. Детей не было, особого хозяйства не нажили, так и делить нечего. Вот что водка с людьми делает, если без меры потреблять.

Как-то допился, что побил свою Матрёну. На собрание вызвали, давай объясняйся, да прощение у жены проси, а наказание всё одно получишь. А он и рассказал пред коллективом: «Не виноват, виной тому чёрт. Сидел молчком, пил родимую, скрывать не стану, стопок несколько выпил, а как же, можа, чего и закусывал, а тут пред глазами чёрт объявился. Да скачет и морду выказывает. Схватил я полено у печки, значит, и давай гонять нечистого. Он на шкаф, так ему по рогам норовил заехать, а ён увернулся, так посуды часть перебил. Злоба меня взяла, ажно внутри всё загорело. Ну, сволочь, сейчас я тебя зашибу, а он опять увернулся, посуду добил, черепки на полу валяются, а он бегаёт, скачет, да проворный, окаянный, а тут Матрёна на пороге появилась, на ейные плечи дьявол вскочил и рожу корчит, я и давай его колошматить со всего маху. Матрёна криком кричит, а я думал, это чёрт от боли визжит и корчится. Её не бил, нет, как можно, рогатика колотил. И всё ж от меня ему, видать, досталось, опрометью кинулся чрез дверь и на улицу, я за ним, через весь посёлок гнал, покуда за лесом не скрылся, бросил полено ему вдогонку и домой возвратился. Смотрю, Матрёна в синяках и рёвом слёзы льёт. Вот так дело было, как есть изъяснил». Люди слушали, хихикали, а кто и смеялся. Председательствующий же осадил всех, мол, ниче-

го смешного нет, человек до белой горячки допился, лечить надобно. На том и постановили.

А вскоре, как с женой расстался и один в хате остался, так ещё чуднее вывернул.

Однажды утром несколько жителей стали свидетелями шумного сборища у небольшого поселкового магазинчика, кое-кто удивлялся, иные не могли сдержать смех.

Скорняк бродил поздно вечером по посёлку, в надежде найти знакомого и выпросить на похмелье. Однако на улице пустынно, и ноги его привели к этому самому продуктовому магазинчику. Он долго стоял и соображал, пока взгляд его не упал на ставню, что имелась на боковой стене здания. Это сквозное окошечко, через которое по лотку подавали привезённый на продажу хлеб. В остальное время оно закрывалось на ставню и замыкалось на висячий замок.

Острое желание выпить и сноровка сделали своё дело. Грач сорвал замок и пробой, открыл ставню. Убрал ватную затычку, служившую своеобразной «пробкой» окошечка. При виде зияющего отверстия повеселел и тут же протиснулся через него внутрь. Темнота окружила его со всех сторон. На ощупь нашёл коробку спичек, стал поджигать одну за другой – подсвечивал в поисках парафиновой свечи, которые имелись в продаже магазина. Нашёл, зажёл и поставил на прилавке. Теперь колеблющийся огонёк осветил полки с товаром. Хлеб, мясные и рыбные консервы, водка и портвейн, копчёные колбасы в витрине. Под прилавком несколь-

ко ящиков с таким же добром. «Вот уж счастье привалило!» – восклицал Грач и принялся складывать в авоську бутылки с водкой, про себя соображая, что вылезет и лаз приведёт в прежнее состояние, а то, что прихватил, за это деньги непременно отдаст, как они у него появятся.

Наверное, так он и сделал бы, но всё произошло иначе. Скорняк, прежде чем покинуть гостеприимную продуктовую лавку, окинул взглядом ящик с водкой и закуску, которой было впрок. То ли утолить нетерпение обмыть «улов», то ли жадность склонили его на очередной грех. Грач открыл бутылку водки, отломал по куску хлеба и колбасы, разложил на прилавке и организовал застолье, так сказать, устроил вечерний ужин. Содержимое бутылки настолько расслабило Скорняка, что он не в состоянии был выбраться из магазина, тело не слушалось, а голова шла кругом, и он прилёг на прилавке, уснул и монотонно храпел.

Утром продавщица – Ксения Привалова, как обычно, подошла пораньше к магазину, чтобы открыть к началу торговли. Проверила замок на двери, плашку с оттиском печати – всё в порядке – и отворила дверь. «Ой, что это?! Кто это?!» – испуганно воскликнула и снова заохала: – Да что ж такое?! Откуда ты взялся, бес тебя забери! Взглянула на окошечко для лотка, от него несло сквознячком. «Ой-ёй-ёй! Вот оно что! Пробрался! Ах ты, бес!..» А тут проходила мимо местная жительница, услышала шум, дверь магазина настежь. «Ты чего как резаная орёшь-то?» – спросила прохо-

жая. «Клава, ты посмотри сюда! Ты глянь, чего творится!» Женщина заглянула: «Ничего себе, гуляли, загуляли!», а повернув голову спящего, воскликнула: «Так это ж Грач! Ну и Егор, ну выдал номер!» – «Клава, будешь свидетелем», – расплылась Привалова. «Давай буди этого Егора, вот кто твой главный свидетель, да звони в милицию», – посоветовала Клавдия. «И то правда, чегой-то я растерялась...»

Участковый прибыл вскоре, смотрел на безмятежно спящего Скорняка, крошки от еды, ломаный кусок колбасы, на почти опорожнённую бутылку водки, лежавшие у его изголовья. Благо от догоревшей свечи не произошло пожара – Грач будто предусмотрительно поставил её на чашку от весов. Опрос свидетелей, составление протокола, а разбудив виновника «торжества», тот не больно-то мог вразумительно изложить свои действия. Скорняка участковый увёз на «бобике» в Артём вместе с его авоськой, набитой бутылками с водкой – вещдоком. Собравшиеся жители ждали, когда Привалова начнёт торговлю и вслух кто со смехом, кто с ухмылкой говорили: «Да-а, не рассчитал Егор свои силы, много принял на душу, вот и прилёг отдохнуть», «Ну, Грач, это ж надо додуматься, забрался в магазин и устроил ужин при свечах», «Везучий, не каждому в жизни удаётся на прилавке магазина выспаться». Позднее узнали, что Грача определили на пятнадцать суток, и провёл он эти дни на общественных работах. Все одобряли: за дело и впрок.

Галина Спиридонова во дворе развешивала постиранные

простыни, полотенца и майки ребят, за спиной не видела, как у калитки появилась свекровь.

Лукерья оглянулась на улицу, лишь заметила женщину с ведром и щупленького мужичка, по внешнему виду чем-то смахивал на знакомого. Но не до него. Откуда было ей знать, что это был Скорняк. Открыла калитку, вошла.

– Гала, здравствуй, – промолвила бабка, а невестка вздрогнула, прижала руки к груди.

– Не пужайся, пугало впереди, – прошептала Лукерья, не обращая на реакцию родственницы за своё внезапное появление.

– Что случилось, чего стряслось-то? – глядя на свекровь, произнесла Галина. – На лице у вас, Лукерья Ильинична, столь тревоги...

– Пошли в дом, опосля с бельём разберёшься, – шепнула старушка и, оглядевшись, повела невестку к крыльцу.

Дворовый пёс из конуры не вылез, пришёл не чужой, чего понапрасну лай поднимать, в конуре прохладней – середина мая, а печёт по-летнему. Такова Сибирь – летом жарит, зимой – студит, нос не высунешь.

– Приехала, разговор имеется, – начала Лукерья, как вошли в дом и присели к столу, невестка свекрови чаю налила и печенье с вареньем поставила. – Участковый был у меня по поводу Матвея.

– А что так?.. – удивилась Галина.

– Сбежал вчера Матвей, сбёг с зоны, а точнее, с шахты

в трудовые часы, так Крайков выложил, да не один, с ним ещё двое. Про тех, ну их, не хочу знать, а вот наш-то никак к уму не приложу.

– Боже! – воскликнула невестка. – Так поймают, это ж ещё хуже... – Галина обеими руками обхватила голову.

– Крайков-то так и сказав. Коли не знаешь, так у тебя милиция ещё не была. Придут, так будь готова, не пугайся и виду не давай. А можа, и не придут, а слезку учинят за домом. Интерес участковый показал, мол, не появлялся ли у меня до хаты за одежкой и провизией. Так что смотри в оба, на стрёме. Кто знает, Матвей может и ночью заглянуть, не след бы ему делать так.

Галина закручинилась: «Зачем ты Матвей сбежал, срок же накинута, и так на восемь лет осудили, а тут... Ой, как же жить-то теперь?.. Много горя, так ещё добавилось...» Прокурор требовал осудить Матвея на больший срок, но характеристика с производства и коллективное письмо шахтёров судья учёл и сбавил.

– На всякий случай одежду приготовь, особо зимнишнюю, еды разной – консервы, крупы, галеты купи, вместо сухарей оно лучше будет, – продолжала Лукерья, на минуту задумалась, затем добавила: – А лучше не так. Свежи завтрава всё мне, вряд ли ён на Артём сунется, народу здесь много, а глаз и ушей ещё больше. Так разумею, ко мне придёт, всё ж подале и ловчее в леса уйти. А там что Бог даст, может, всё с времечком и уладится.

– Хорошо, Лукерья Ильинична, подберу. Но боюсь, кому заикнуться помочь, лучше б самим, всё ж мешка два вещей наберётся, наверняка те, кто с ним одежду потребуют, а он ведь знаете какой, последнюю рубашку с себя снимет, коль попросят. Оставайтесь у нас на ночь, а завтра утречком и поедем к вам с вещами, а продукты в Серго купим.

– Вроде так, только собака не кормлена, голодать будет, да ладность, потерпит, не помрёт до завтрава.

На том и решили.

Глава 3

Матвей Спиридонов, попав в колонию строгого режима, мучился больше не от тяжкого труда в шахте. Да, в сырых забоях не сахар и под гнётом – непрестанно каждодневно часами с кайлой в руках, лопатой и тачкой. Нормы еле посильны, многие заключённые не выдерживали, двигались словно приведения, горный надзор это примечал и таковых подгоняли, начальство зоны их садило на пониженную кормёжку, а оттого они ещё боле чахли. Но на это в колонии особого внимания не обращали, мало кого волновало – главное, давай норму! Хотя и кто норму выполнял, питались не от пуза, скудно. Лагерное руководство со служивыми умыкали часть продовольствия, так что много чего не доходило к столу заключённых. А кому пожалуешься? Некому. Вот горб гнули и терпели.

Больных хватало, но медицинской помощи, можно сказать, никакой, а оттого слабые умирали и их тела уносили на взгорок, что за пределами колючей проволокой у подножия гольца, там погребали. Последняя о них память оставалась бугорками – могилы с берёзовыми крестами. Кладбище имело устрашающий для взора вид – кресты, кресты, кресты...

Больше Матвея угнетало среда бесправия, в которой оказался, бессилие вызволить себя из заточения, переживания за семью. Страдал, что заключение лишило его полноцен-

ной жизни, и теперь вряд ли выберется из обрушившейся на него беды. Арест и скороспелый суд за считанные дни! Даже не успел опомниться от шока на предъявленные обвинения. И это давило на душу. Приговор стал ударом, несправедливый, никто не пожелал разбираться в детальном положении, вроде как торопились закрыть дело, к которому он не имеет абсолютно никакого отношения. Сердце обливалось кровью, обида лихорадила всё тело. Но вместе с тем Матвей не расслаблялся, знал: если руки опустит и будет беречь душу – не выдержит, пропадёт и себе не поможет.

В бодайбинскую тюрьму Матвея не поместили, там камеры переполнены, посему на зону и определили, а порядки в городской тюрьме не лучше.

Матвей не мог взять в толк, как он оказался преступником, при том, что никакого убийства не совершал, оказался без вины виноватый. Долгими часами он крутил в голове, как могло такое случиться, что за обстоятельства произошли, устроившие его на лагерные нары? И каждый раз приходил к мысли: либо его кто заведомо подставил, либо он оказался в не нужном и в не нужное время месте, где совершилось преступление. Но кто, кто?!

Ещё одна неприятность свалилась на голову Матвея с первого дня, давила морально. Пахан по кличке Хрящ наседавал на Матвея к «прописке», сломаться, прогнуться под ним, стать шестёркой-гладиатором, войти в братву, а если в отказ, так обратиться в касту обиженных, занимающих самое позор-

ное и бесправное положение на зоне.

Не в характере Матвея под кем-либо расстилаться и заключённому отвечал грубостью. Хрящ на зоне был фигурой в авторитете, главенствующей над урками, коих на зоне полные бараки. Хрящ угрожал: «Ерепениться будешь – перо меж рёбер сунем. Прикинь мозгами», за что Матвей приложил свой увесистый кулак по его скуле, да так, что у того в глазах помутнело. Злобу затаил Хрящ не на шутку: «Ну, всё, тебе кранты!.. Готовь берёзку для креста». Пришлось быть постоянно настороже, сон стал тревожный, ждал подонка с заточкой, чтоб успеть предупредить удар.

А вскоре так и произошло. Подсознание или ангел-хранитель прервали сон. Матвей успел схватить убийцу за горло, заточка выпала из рук безжизненного тела. Начальство не разбиралось о происхождении трупа, да хоть всех друг дружку кто меж собой грызутся, поубивайте, хлопот меньше. Хрящ же Матвею сказал: «Ладно, раз масть такая выпала, так замнём – живи. А покойничка не жалко, сам хотел Суслика придушить – крысятничать начал». В чём Суслик крысятничал от общага окружения Хряща, Матвея не интересовало, ни к чему, меньше знаешь – крепче спишь. Блатные отстали, стало на душе спокойней, но внутри кошки скребли, доверять этим отбросам общества рот не разевай.

Первые майские дни выдались солнечными и удивительно тёплыми, и посёлок Артёмовский освободился от снега. Вершины же сопки, окружавшие посёлок, и верхние части

склонов сопок ещё в белоснежном покрывале, но если так будет палить солнце и дальше, они начнут привлекать внимание жителей набухшими и распускающимися ветками берёз и осины, среди которых красуются вечнозелёные сосны и ели, радовать журчанием ключей, впадающих в Бодайбинку. Такое тепло и таяние зимнего покрова, как ныне, удавалось не каждый год. Проталины в урочищах речек и ключей уже ожили, журчали, несли свои воды, торопились их сбросить в Бодайбинку, а та уж дождалась и весело несла потоки к угрюмому Витиму. Не зря этой таёжной реке дали название «Угрюм-река» – суровая, своенравная, не терпит людской беспечности.

В один из дней Матвей Спиридонов решил пройтись с ружьём до распадка, собаку с собой не взял, ни к чему, не на зверя и не за соболем отправляется, а за глухарями. Пёс залает – спугнёт. Знал он ток, какой год бывал на нём – и всегда удачно. Работа на шахте посменная, и выходные имеются, так чего ж дома сидеть, а тут дичь добудет, всё разнообразие к столу и сыновьям в диковину.

Вышел из дому, глянул на небо, оно чистое, голубое, день обещал быть хорошим. Прошёл вдоль улочки и направился до улицы Вокзальная, она выходила на основную дорогу, соединяющую посёлок с другими посёлками района и городом. Здесь рядом водокачка на Верхнем Аканаке. Встретилось несколько женщин, они, набрав воды в вёдра прямо из речки, зацепили их на коромысла, водрузили на плечи и по-

дались по своим домам. Рабочий – дед Пётр Кузьмич Парамонов, что дежуривший на розливе воды для поселковых водовозок и приисковых нужд, вышел из будки, топориком наколол мелких лучинок, прихватив несколько поленьев, хотело было вернуться в будку, но заметил Матвея, приветливо махнул ему свободной рукой и пожелал:

– Ни пуха, ни пера!

На что Матвей улыбнулся и ответил:

– К чёрту! А то и в самом деле ни пера, ни пуха не добуду.

Далее пошёл вверх по речке, крайние дома остались позади, а вот и устье ключа Гатчинского, по нему и направился. На ключе кое-где лёд. Распадок затяжной, раскидистый, по одну сторону в пойме речки с террасой, лес смешанный, местами редкий, к низине густой, под ногами неглубокие мхи, ступать позволяют неслышно, поглядывай по сторонам, примечай, где сидит птица или откуда голос доносится. Глухари перелетают с дерева на дерево с намерениями исполнить брачный ритуал, своей песней-призывом привлечь копылуху.

Глухари меж собой в такой период не дружат – соперники, распускают хвосты веером и в драку. Отогнал жениха и затокует, так настолько увлечётся, окромя себя никого не слышит – в эти минуты становится глухим, только слышны непрерываемые характерные громкие щелчки. Если уж потревожишь его, спугнёшь, так снимается с ветки и улетает, а то и приземлится и побежал меж кустов и деревьев, тогда

всё, замри, выжди, всё одно голос подаст далее, а тут продолжай искать его, скрадывать.

Матвей продвигался, прислушивался. Заметил одиноко сидевшего глухаря: крупный самец, задрал голову, увлечённо токовал. Матвей подкрался сзади, бесшумно вскинул ружьё, чтобы приклад приложить к плечу, но тут птица, к его удивлению, замолкла и снялась с дерева, влёт стрелять не стал. И вдруг где-то вдали на противоположном склоне речной долины прозвучал выстрел, за ним сразу второй. «Выходит, в распадке я не один, ещё один охотник, повезло ему – выследил птицу и, возможно, не одну, теперь, если попал, трофею радуется. «Кто ж, интересно, таков?»»

Решив удовлетворить своё любопытство, Матвей направился в сторону прозвучавших выстрелов, к имевшемуся в той стороне зимовью. Глянуть, кто там, перекурить с человеком, чай в котелке свежий заварить, побалагурить, а потом уж на обратном пути ещё разок на ток и домой. Шагал, огибая кустарники, обходил деревья, приблизился к предполагаемому месту, вышел на путики, человеческих следов никаких, снега в низине почти нет, тропа и вовсе почти сухая.

То зимовье осиротело, стало заброшенным, хотя угодьё богатое, и оно самое близкое от посёлка Артёмовского, другие в большем отдалении и в разных поймах ключей и речушек. Два года идут разговоры меж охотниками, кому отдадут благодатное место, но вопрос почему-то затягивается. Это урочище ключа Гатчинского, положившего своё начало

на гольце Синий и впадающего в речку Верхний Аканак. Заявки в зверопромхоз подало несколько человек, один профессионал и двое любителей.

Почему уголье осиротело и оставлено на размышление кому достанется, в этом причина печальная. Трагически погиб его хозяин – Торбеев Михаил Игнатьевич. Промысловик с опытом, а в недавнем прошлом водовозом работал, три года питьевую воду населению развозил. Его транспорт была лошадиная тяга и солидная по размерам бочка, летом она на телеге, зимой – на санях. Заливал ёмкость на водокачке, оборудованной почти в устье Верхнего Аканака – окраина посёлка Артёмовского, – и разъезжал по околоткам. Любая непогода для Торбеева была не помеха. Улицы были расписаны по дням недели, и жители тех дворов загодя выкатывали свои двухсотлитровые бочки за калитку, чтобы затем перетаскать воду в дома. Бочки Торбеев наполнял, опуская рукав, как наполнилась, сразу убирал, и переезжал к следующей частной бочке, и так, пока не опорожнит свою небольшую цистерну.

Водовоза знали и стар и млад, добродушный, приветливый и в то же время задумчивый. И было отчего – прошёл с винтовкой по многим фронтам, остался жив, а вот семьи не стало, виной тому война – завалило жену и деток в развалинах от бомбёжки фашистских стервятников на Орловщине. Вернулся домой в орденах и медалях, глянул на пепелище – не то что дома родного, так всей деревни не стало, слезу

смахнул, тряхнул с горя головой и уехал в Сибирь.

Мясо оленя, боровую дичь – глухарей и рябчиков, зайчатину, пушнину – сдавал в норму, вот только хариуса вылавливал помалу. Помехой тому были горные работы золотодобытчиков, мутившие воды Бодайбинки и впадающих в неё речушек. Но хариус рыба шустрая, успевала подняться по руслу от Витима до начала работ драг, гидравлик и старателей. По струйкам проталин бойко и супротив течения устремлялась вверх.

Случалось, забивал и медведей. Ставил одну ловушку с выемкой в земле, а над ней тяжёлые лесины – зверя сразу давит. Настораживал и пару капканов с приманкой, соблазнявших косолапых. Капкан привязывал тонким тросом к основанию крупной ели, почти в два обхвата, такую лесину не вывернешь.

Но два года назад случилась беда, не повезло Михаилу Игнатьевичу – медведь, попавший в капкан, в злобе вырывался и оторвал себе конец одной лапы, её зажало недостаточно, только когти, что оттуда растут, оно и подвело. Освободившись, порвал накинувшуюся на него собаку, а выстрел охотника не спас его – раненый зверь подмял и Торбеева.

Кинулись человека в посёлке через две недели. Не видать старика ни на улицах, ни в магазинах, и во дворе своего дома не копошится. И отправились несколько людей к нему на таёжный участок. Кто знает, может, занемог, так помочь, доставить в больницу. А как прибыли до места, так картина

ужасная предстала, не дай Бог никому видеть и пережить. Собрали останки Торбеева, доставили в посёлок, уложили в гроб и предали земле на Красной горке, так называли поселковое кладбище. Весь Артём хоронил, мурашки по коже у всякого пробегали, представляя принятую им ужасную смерть. Был добрый человек и не стало, а потому и добрая память о нём в людях осталась.

На следующий день группа охотников с собаками отправилась на поиск того самого медведя. Косолапого зверюгу, попробовавшего человеческое мясо, в тайге оставлять нельзя – опасен для человека, а людей по лесу бродит немало, кто по грибы, кто по ягоды, и больше без ружья, и заходят иной раз далековато. Озлобленный, скрадёт – и тут уж как повезёт. Выследили и убили людоеда, приметный был – без когтей на одной лапе. В посёлке все и успокоились.

Глава 4

Откуда было знать Матвею, что в зимовье Торбеева, до того как ему до него дойти, разыгралась трагедия. Два приятеля, а это были приисковые горняки – Василий Хапугин и Григорий Буряк, – и стали героями таковой. И надо же так, оба работали в бригаде Матвея. Многие поселковые мужики, любители поохотиться и порыбачить в свободное время, всегда шли в тайгу или на озёра, так и этих понесло попытать удачу. Но на этот раз не добыть дичь, а по другому поводу, охота это так, заделье, для отвода. Решили вдаль от дома обсудить сокровенные дела, известные лишь им, без посторонних глаз и ушей – дело уж весьма щепетильное – как поступить с запасами похищенного золота.

Скрытно за несколько последних лет работы в забое при случае поднимали обнаруженные небольшие самородки. Шахты, богатые содержанием золотых запасов, уж сколь лет копают на Ленских приисках, а золото и не кончается. Каждый год и тоннами! Дело форта, когда кайлишь породу и временами можно приметить блеск жёлтого металла – малый кусочек, а то и солидный, золото-то рассыпное – от зерновых крупниц до крупных размеров. Если глаз намётанный, в разрыхлённой породе во лбу забоя или в тачке, пока откатываешь породу до промывки, кусочек золота можно узреть, хап в руку и в карман! Одному утаить, спрятать опасно – кто-

либо из бригады заметит, а если в стоворе и работа в паре, так всё ладно получится. Хапугин раз поднял самородок весом аж с килограмм! О находке Хапугин Буряку не сказал, вынес с шахты и спрятал в погребе дома. Вот и нашли общий язык эти двое шахтёров, ставшие на почве хищения компаньонами.

Когда Матвей распределял обязанности, так они сами попросились трудиться вдвоём. Бригада из четырёх человек, и было так: двое в забое, двое на откатке породы, потом менялись, чтобы лямку тянуть всем одинаково. Матвей работал в паре с Харитоном Воротниковым. Мужик по натуре порядочный, уравновешенный, табак не курил, водку и вино не потреблял, но любил пиво. Его привозили из Бодайбо в бочках, продавали на разлив, а делали на пивоваренном заводе, и как отмечали местные, оно было отменным. Утверждали: вода Витима делает его особенным, но и мастерство пивоваров хвалили.

Матвей Буряка в последние дни в душе не терпел, видеть его не хотел. Просил начальника шахты убрать из бригады и объяснил почему. Тот же сначала отказывал, чего там, ну молодой, горячий, по-своему живёт, девушка какого лешего у него на поводу пошла, что тебе до них. Потом сдался и пообещал перевести во вновь создаваемую бригаду для проходки нарезных выработок.

И было за что ненавидеть Буряка.

В соседях Спиридоновых проживала старушка Агафья с

внучкой, так она её ласково называла, однако была для неё не родной – сирота, бывшая детдомовская. Взяла её к себе в дом Агафья, чтоб не быть одинокой, и помощь в нехитром хозяйстве и в радость. Двадцать один год девушке, красавица писаная, об этом уж Господь позаботился. Ребята заглядывались – невеста хоть куда! С разговорами приставали, но Нюра заводить дружбу ни с кем не спешила, насмотрелась, как у молодых людей бывает. Полюбились, сошлись, а потом мир не берёт, и разбегаются, а дети остаются, бывают такие, вот и осторожничала. Лишь с кем из парней перемолвится, коль внимание уделит, так перекинется с ним словами и не более того.

А тут приударил за ней Буряк, всё более охочий до незамужнего слабого пола, холостой, вот и «окучивает» женский «огород». Какой с него спрос, одинокий, никому не должен, ничего не обязан. Приударил за Нюрой, так кто примечал, думали: знать, перебесился Григорий, всерьёз решил жизнь устроить, жениться собрался. С такой девонькой не стыдно в клуб ходить и миловаться, не избалованная, скромная. Но благие мысли Буряк не посещали, он сам себе на уме, связывать себя семейными узами пока не собирался.

Конфеты, пряники, лесные орехи приносил Нюре, угощал, та принимала, как отказать, если человек от души преподносит, неудобно отворачиваться, принимала и смущалась. На восьмое марта подарил красивую косынку, цвет синий с белым горошком, глаза девушки с благодарностью

смотрели на молодого мужчину.

В апреле Буряк пригласил девушку, как бы между прочим, посетить его скромное жилище, показать, как живёт холостяк, напоить чаем. Что ж такого, не в ночь человек в гости зовёт, а день на дворе. Откажись – обидится, неудобно получится.

Ведала бы Нюра, что из этого выйдет, знала б намерения развратника, разве ж оказалась бы тогда она в его избе? Конечно нет. Буряк девушку угощал чаем, предлагал меж разговорами и вино. Нюра отказывалась, кушала только сладости, а Буряк выпивал. Закипела страсть у Буряка, прям безудержно, прильнул к девушке, принялся обнимать и целовать в щёки и губы. Нюра опешила, отталкивала от себя, сколь было мочи, стыдила, да где там, силы неравные, и не одолеть кобеля в облике человека.

Ублажив свой порыв, Буряк успокоился и завершил гнусное дело выпитым стаканом вина. Нюра же рыдала, ревела со стоном от стыда и позора, руками хваталась за голову. «Да не убивайся ты так, чего особенного? Спроси любую бабу, нет здесь ничего зазорного, такое меж мужчинами и женщинами дело обыденное, не нами, природой устроено...» – успокаивал девушку Буряк. Больше он не встречался с Нюрой и не желал знаясь, обходил, не замечая, а та при виде его издали пряталась или направлялась иной дорогой. Прежде чем выпроводить Нюру из дому, так Буряк наказал: «Смотри, если язык развяжешь, кому что меж нами произошло, так я тебе

его вырву, а то, гляди, и жизни лишу. Всё с согласия твоего было! Поняла?! Сама в гости пришла, сама за стол с вином села, сладости уплетала. Я ж мужик, мне тоже сладкого хочется. Помни наказ! А не то тебя вместе с бабкой в доме сожгу, и знать никто не будет, не дознаются, кто поджёт... Сожгу!»

Агафья сразу заметила перемену в девушке, ни улыбки, ни смеха былого, одна грусть и печаль, а то и слёзы на глазах наворачиваются. Выведала у неё, а как Нюра рассказала, так бабка заохала, запричитала и хотела было отправиться в милицию, однако Нюра не пустила, объяснив, как грозился Буряк.

Скверное настроение у девушки заметили и Спиридоновы. Пригласили её в гости и вытянули наружу её беду. Бабка до этого поступила по-своему – посетила милицию, объяснила, о чём знала. Буряка тут же вызвали, а он заверял: не виноват, по согласию, спросите дивчину. Нюру вызвали, подтвердила и заявление не оставила, побоялась по известной читателю причине.

Матвей, как узнал, скрипел зубами, стучал от злобы по столу кулаками: «Зашибу гниду! Зашибу!! Ах ты сволочь, нашёл с кем утеху устроить!..» Галина Нюру прижимала к себе, успокаивала, а та плакала.

Шум устроил Матвей на шахте, в забое, когда бригада была вся в сборе. Он наседа на Буряка сначала голосом, а как тот отрицал и представлял дело иначе, он кинулся на него с

кулаками, бил и приговаривал: «Убью, зараза!! Да как такую сволочь земля держит! Ведь знаешь, Нюра сирота, а ты как с пошлой девкой обошёл, жизнь ей испортил! Забью! Сгинь с моих глаз, пока прямо здесь не закопал!...»

Ненависть кипела в душе Матвея, не мог видеть Буряка, почему и упросил начальника шахты убрать из бригады, и чем быстрее, тем лучше, иначе за себя не ручается. Шило в мешке не утаишь, а тут такие разговоры пошли. На шахте, да и во всём посёлке люди стали на Буряка иначе смотреть, с укором и гневом, и тот ощущал на себе недобрые взгляды, хоть переезжай на другой прииск или вовсе район покидай.

За подъёмное золото, если кто-либо находил, платили. Цена за грамм гораздо ниже, чем государство платило золотодобытчикам. А так если по совести поднял самородок – принёс в приисковую кассу – получи деньги. Хищение, укрывательство, то трясись душою и бойся, где надёжно спрятать, да кабы кто не узнал, а потом и сбыть золото непросто, это не огурцами на рынке торговать. Но охочих поживиться за счёт хищников металла, заполучить его в свои руки, таких хватало, они сами чутьём порой находили тех, у кого что припрятано, и сходились в доброй цене. А это же какой доход, если дело тайно и на поток поставить! Бывало, вылавливали воров, и многих, отправляли в тюрьмы, на кааторжные работы на длительные сроки за хищение золота, до высшей меры некоторые доходили. Но всё не впрок – золото словно дьявол притягивал многих к своим подземным со-

кровищам.

Сдавать в кассу поднятое золото это не те люди – Хапугин и Буряк, то ж, если по уму, так сбыть дороже можно иль часть металла на чёрный день оставить, кто знает, как жизнь дальше повернётся. Оба хитрые и алчные, они и в дом всё несут; где что не так лежит, так к себе тянут, наверное, это их и свело, сплело в одну верёвочку. Ещё до войны приехали в бодайбинский район. На фронт не призвали, на шахтах оставили, как и многих мужиков, чтобы добывать золото – стране нужна была твёрдая валюта. Понятное дело, весь народ в тылу делал всё возможное для фронта и Победы над врагом, но и приходилось покупать часть вооружения и продовольствия в Англии и Америке, а те, кому война мать родная, к деньгам руки тянулись, запросто так не помогали.

Буряк сорока лет, но до сих пор холост, приехал с Украины на заработки, прознав про Ленские прииски, мечтал скопить денег и вернуться на родину. А как золото в карманах нащупал, так и вовсе загорелся обогащением – есть теперь с чем развернуться, устроить будущее!

Хапугин женат и возрастом на четыре года старше, и тоже из приезжих на прииске. Оставили с женой свою хату в деревне на Псковщине и прикатили тоже, как и Буряк, денег заработать, от нужды уйти, да что говорить, таких в районе много заезжих из разных сёл и деревень. Здесь дочка родилась, в школу ходит. Мысли одолевали: как скопят, так поселятся на Большой земле в каком-либо городе. Глядя на

местных аборигенов, занялся любительской охотой на плавающую и борову дичь, но больше интересовали соболя, мех ценный, они всегда в цене. Когда кроме денег появилось золотишко, эта мечта обрела новый смысл – податься к морю, в Крым, купить дом с садом и машину «москвича». Там выйти на лиц кавказской национальности и сбыть им золото, этот, мол, народец хваткий до жёлтого металла и не болтливый.

Пройтись до Торбеевского зимовья предложил Хапугин, Буряк не раздумывая согласился. Оно не так далеко и безлюдно – всего-то семь километров, полтора-два часа ходу. Тем более определились: золото лучше спрятать в лесной глуши, так надёжней. Знали, рядом с избушкой небольшая каменная россыпь, в ней и устроить тайник.

Каждый в своём рюкзаке вместе со снедью принесли золото и прихватили безмен, прикинуть вес и знать, по сколько выходит на брата. Хранить дома никак нельзя, чёрт попутает-замутит, и вся житуха крышкой накроется.

Заглянем с читателем, что же происходило в зимовье, пока Матвей Спиридонов шагал с ружьём через плечо и котомкой за спиной по Верхнему Аканаку, а затем по Гатчинскому урочищу до тока, пока не увидел глухаря и пытался по нему произвести выстрел.

Глава 5

– Да, жильём не пахнет избушка, давненько не топлена, сыростью отдаёт, что значит без хозяина, – снимая с себя рюкзак и ружьё, отметил Хапугин.

– Ты же, Василий, заявку подал, так, глядишь, и уважут, получишь уголье, зимовье обживёшь и вся живность тутошняя под тобой будет, – ответил Буряк.

– Подал, надо бы в город съездить, зайти в зверопромхоз, чего резину тянут, или мзду ждут?

– Давно бы скатался, сунул полусотню, так оно и выгорело бы. Ты любитель по тайге шастать, за зверьми гоняться, мне это не пристало. Я так, выскочу когда ради потехи по рябчикам и по куропаткам бабахнуть – и довольно. Бабы нет, а самому общипывать птиц, с перьями возиться, это не моё, проще в магазине купить.

– Ну да, вот баб общипывать ты мастак, – усмехнулся Хапугин. – Кто тебе не даёт жениться? К примеру, Нюрка, девка видная, охмурил, так женись. А видал, как на тебя Спиридонов обрушился, задушить готов, и придушит при случае, этот за справедливость может.

– Да пошёл он! Это в бригаде он начальник, а в мою личную жизнь пускай не вмешивается, угрожать взялся.

– Люди-то тоже на тебя стали косо поглядывать, испортил девоньку...

– Что с ней сделалось, как была ягодка, так ягодкой и осталась, – перебил Буряк. – Погрустит, забудется.

– Ладно, хрен с тобой, давай по делу, выкладывай золотишко, – перевёл разговор Хапугин, извлекая из своего рюкзака брезентовый кулёк с самородками, безмен и бинокль, который тут же повесил себе на шею.

– Ого, прямо командир партизанского отряда, – рассмеялся Буряк.

– Давай металл доставай, а не зубы скаль, да на весах прикинем.

Буряк извлёк из своего рюкзака такой же мешочек, положил на дощатый стол со словами:

– Пока нёс, запарился.

Хапугин взял в одну руку один кулёк, во вторую – другой, подержал и с восхищением произнёс:

– Хороши мешочки, увесистые! – тут же с вопросом: – Всё до грамма принёс? Что-то твой хуже будет.

– Чего такое говоришь, всё до грамма, как договаривались, – утвердительно заверил Буряк.

Однако, зная компаньона, Хапугин в душе всё же сомневался в его искренности – наверняка оставил у себя несколько самородков. По себе прикинул – сам не всё принёс, а спросил, чтоб от себя отвести недомолвки. Кто не знает, так оба хороши, промеж пальцев вода не протечёт, что ухватили, так не выпустят.

– Сомнения гложут, всё ли, вот и задал вопрос. Смотри,

коли утаил, а то как-то не по-людски получится, в одну лузу складывали, и вдруг узнаю, чуток мимо просыпалось.

– Да не умыкнул, чего гонишь! – незлобно возмутился Буряк.

– Ладно, успокойся, не кипятись, давай приступим.

Хапугин подцепил первый мешочек на крючок, и оба во все глаза глянули на шкалу со стрелкой, а как стрелка замерла, в один голос озвучили:

– Семь килограммов и сто грамм.

Взвесили второй и с затаённым дыханием прошептали:

– Семь килограммов и пятьсот грамм.

Лица светились и довольные собой глянули друг другу в глаза.

– Четырнадцать килограммов шестьсот грамм. Целое состояние! Ай да натура! А на деньги перевести, – Хапугин закатил глаза, подсчитывая, и объявил: – Сто тысяч! Это ж сколь пахать надо, чтоб заработать?! – восхищался Хапугин. – Это грубо, а если на чёрном рынке толкнуть, так и того солидней. Десятки граммов, потом считать будем, как время придёт, а пока всё капитально укутываем и готовим тайник.

– Теперь житуху можно по-иному строить, денег прорва! – Буряк хлопнул ладошками по мешочкам. – Удивляет меня, кулёчки вроде невеликие, а вес-то в них ого!

– Золото, оно такое – тяжёлое, давно пора усвоить.

– Я, Василий, тянуть не буду, месяца не пройдёт, и свою долю заберу.

– Чего так? – удивился Хапугин. – Сорваться надумал?

– Причин много. На предстоящей неделе переведут меня в другую бригаду проходчиком, Спиридонов постарался, сам знаешь, как на меня злобу точит, многие косятся, в глаза не выговаривают, а про себя проклинаят.

– Сам виноват, голова-то где была? Всё в один мах срубил, бабник.

– Рассчитаюсь и уеду, теперь есть с чем. На Азовское море поеду, там и осяду, для начала отдохну, а потом и женюсь. Как расчёт получу, соберу манатки, так подскочим сюда, поделим и айда в тёплые края.

«Да, дела у Буряка, что куча навозная, прёт вонью. И девчонке судьбу переломил, и себя сломал, в говне оказался. Ну, напарник у меня, забодай его комар, урод, а не напарник...» – размыслил Хапугин, а вслух сказал:

– Вольному воля, а пока давай уложим, обмотаем и в тайник. Можем и сейчас разделить поровну, чтоб как появимся, так время не терять.

Так и сделали – скрупулёзно разделили золото, разложив в эти же мешочки, каждый накрепко обвязали и заматывали специально приготовленным плотным материалом. Нашли подходящее место и лопатой, что находилась у зимовья, выкопали неширокую, но глубокую ямку, уложили свёртки и закопали, сверху выложили камнями и камушками с песочком. Место приметно и известно только тем, кто только что устроил здесь тайник, в отдалении от избушки мет-

рах в тридцати средь каменьев, под одной из глыб – гладким большим валуном. Сюда никто не сунется, кому надо камни ворошить, перекладывать, а тем более валун сдвигать. Закончив с тайником, Хапугин предложил затопить в избушке печку, вскипятить чай и перекусить.

В зимовье весело потрескивали дрова, тепло быстро заполнило пространство избушки. Хлеб с копчёной грудинкой из рюкзака Хапугина и заваренный чай, но прежде Буряк плеснул из своей фляжки по сто грамм водки, и что там говорить, радовало души и в подсознании обоих укрытое золото.

Хапугин, насытившись, достал из кармана зажигалку и пачку «Севера», вынул папиросу и предложил Буряку, но тот достал свои папиросы. Прикурили.

– Подарил бы мне, – предложил Буряк, поглядывая на зажигалку напарника. Он попросил рассмотреть её ближе в своих руках, Хапугин подал. – Хороша штукавина, с гравировкой затейливой, плоская, удобная, уникальная, ни у кого такой в посёлке не видал, всё простецкие. Спичек не надо, нажал, крышка откинулась – и вот он огонь. Продавались бы такие, купил бы.

– Эту зажигалку привёз мне сосед, ко дню рождения подарил, память, а потому и передарить не могу. Уедешь, так на Большой земле и купишь, теперь ты богатый, все зажигалки выкупить сможешь, – рассмеялся Хапугин.

– Да уж, богатый, – доливая из котелка в кружку кипятка,

блаженно ответил Буряк.

– Всё, довольно, закругляйся, чай допивай, складывайся, и бредём назад, я ж пока до ветру, а то мочевой пузырь вот-вот лопнет.

Хапугин вышел из избушки, отошёл на несколько шагов, помочился. Глянул на вдали видневшуюся снежную шапку Синего гольца, взял в руки бинокль, приставил к глазам и навёл на голец: «Красавец! Сверкает, словно алмаз!» Перевёл обозрение на долину, по его склонам, панораму продолжил вниз по руслу, на противоположную сторону с участком с редкой растительностью, видимость исключительная – и вдруг увидел очертания человека. Да, это был человек и, видимо, охотник, а кому больше. Напряг зрение, присмотрелся. «Не уж Спиридонов? Да точно он! Он!! Вот принесло же! Уходить надо, уходить и немедленно, окольным путём, не след с ним встречаться...»

Но тут Хапугина как током ударило – осенила внезапно возникшая мысль, от которой бросило в холод и сразу в жар: «Буряк – вот он, допивает чай, Спиридонов примерно в двух километрах, даже меньше. Оба ненавидят друг друга – враги, а Матвей даже прилюдно на полном серьёзе грозился убить Гришку. Это ж два дела можно сладить сразу – Буряка застрелю и смотаюсь, а на выстрел Спиридонов непременно придёт, заинтересуется, кто из охотников у зимовья, факт. Появится, а тут Буряк лежит, вот уж головой закивает, что, да как и отчего, побежит в посёлок рассказывать, ещё как

побежит! За угрозы милиция уж непременно ему убийство припишет, мотив-то прямой, и девка страдает. А тут выследил Буряка и слово сдержал – пристрелил, не отвертится... Главное, всё, что в тайнике, будет моё! Моё!..» Голова работала в одном направлении и одержимо, иными мыслями себя не донимал, эта идея овладела им с головы до ног, и в этом видел успех задуманного.

Хапугин быстро вернулся в зимовье и с порога как можно спокойнее заторопил:

– Всё, Григорий, довольно, бери рюкзак, ружьишко – и пошли.

– Уже сложил, пока ты на ветер брызгал.

Вышли из избушки. Хапугин поднял валявшуюся у избушки заржавевшую от времени консервную банку (приметил раньше) и подал Буряку:

– Поставь, пожалуйста, вон на тот пенёк, пальну на целость. В тайге был, а ни одного выстрела не сделал, непорядок.

– Пальни, – Буряк взял банку и направился до небольшого пня. – Потом я стрельну, если смажешь.

«Не смажу...» – думая о своём, Хапугин довольно шустро зарядил оба ствола патронами с картечью.

Прогремел выстрел. Буряк, приблизившийся к пеньку, вздрогнул, чуть повернулся и нелепо завалился набок, издал стон. За ним прозвучал второй выстрел, и смертельно раненый замолк.

Хапугин наспех перезарядил стволы, вдруг Буряк подаст признаки жизни, так следовало добить, теперь он нужен только мёртвым. Тело Буряка лежало бездыханным – карточка накрыла плотно затылок головы и шею до ключицы, отчего и не пришлось ему мучиться.

Хапугин судорожно схватил бинокль и обратил наблюдение к месту, где давеча заметил Спиридонова, и увидел, как Матвей повернулся в сторону зимовья, чуть постоял, видать, раздумывал, и направился на выстрелы.

Мозги у Хапугина соображали с быстротой молнии: «Пока Спиридонов спустится с террасы, пройдёт низину и пойму ключа, а там ель сплошная, чёрта с два меня заметит, пока я обогну по правому склону, к тому ж пойду меж густой растительностью. Махом обернусь до устья Гатчинского, там по Верхнему Аканаку, сигану по безлюдью мимо Красной горки и мигом до дому...»

Глава 6

Спиридонов неспешно продвигался по склону долины, больше смотрел под ноги – как бы какая ветка не задела по лицу. Ближе к руслу ключа ельник сгустился, лес здесь мрачный, чисто медвежий.

Для поселковых жителей не было удивительным, когда медведи, бывало, подходили к жилью, а раз глубокой ночью видели одного топтыгина, вышагивавшего по улице. Редко, но бывало, и всё по причине либо неурожая ягод, грибов и шишки в тайге, либо лесных пожаров, а порой и любопытства.

«Уже косолапые проснулись, исхудавшие, голодные бродят, грызут чего-либо, выцарапывают прошлогоднюю чернику и бруснику да грибы шамкают, что из-под снега вытаяли. Места на Синем ягодные, грибные. В прошлом году набрал четыре ведра голубики и черники, Галина варенья наварила, за зиму не съели, осталось, всё больше на бруснику наседали, то с сахаром, то морс, кисели делали. А груздей-то, груздей! Хоть серпом коси – и белые и жёлтые, сырые, влажные, с махровыми краями, а солёные, да под горячую кортошечку, ух!...» – Матвей шёл и размышлял, сглотнул слюну, перебрёл ручей, обходя остатки кое-где нерастаявшего льда на берегах. Пошёл дальше по пологому взгорку, а преодолев его, двинулся вдоль правобережного склона гольца, ско-

ро зимовье, и он, чтобы охотник не подумал, бредёт медведь (а то ещё пальнёт без разбору), подал громко голос:

– Э-ге-гей! Кто есть тут?! – прислушался, тишина, подумал: «В избушке горячим чаем трофеей обмывает, потому и не услышал. Кто ж окромя меня в урочище?..»

Показался слабый дымок из трубы зимовья. «Точно в избушке. Раз тихо, знать, как и я, без собаки. Пожалую в гости, так тоже чайку похлебаю, и перекусить пора».

Не дойдя до избушки шагов двадцать, не более, неожиданно наткнулся на лежащего человека.

«Не уж пьяный? Нет, не похоже, но вроде как бездыханный...» – наклонился и узнал в нём работягу из бригады:

– Буряк?! – а на лице и под ним увидел кровь, так вмиг опешил: – Мать ети! Не живой! – и схватился за свою шапку. – Вот это номер, как так-то, почто, кто убил?

Матвей огляделся вокруг: ни души, ни человеческой речи, только услышал прозвучавший вдали глухариный ток и тот замолк. Наступила тишина, которая вселяла в душу тревогу и холодок.

Подошёл к избушке, открыл дверь, заглянул внутрь, никого нет, только дыхнуло лёгким теплом от догоревшей печки. Вышел наружу и громко крикнул:

– Есть кто здесь?! Отзовись!! – никого, лишь эхо повторило слова.

Спиридонов несколько минут стоял в нерешительности, и первое пришло на ум, что кто-то из жителей совершил воз-

мездие, отомстил Буряку за Ньюру. Убил и оставил на съедение медведям или воронов, кои непременно обнаружат тело или учуют запах крови и разложившего трупа. Что предпринять, пока не придумал. Картина ужасная, шокирующая. Матвей ещё несколько раз крикнул в долину, но она отозвалась лишь эхом. Никто не ответил, не появился. Да и понятно, какой убийца откроется, проявит себя, ни в его интересах.

«Стало быть, те два прозвучавших выстрела сделаны в Буряка, а убийца смотался пред моим приходом. Кто же это стрелял? Чьи выстрелы?.. Ясно, покинул место преступления и скрытно ускользнул».

Приближаться к Буряку Матвей не стал, а смотрел на него с расстояния трёх-четырёх шагов. Страшно, противно и жалко.

«Надо поспешить в посёлок, сообщить в милицию, пускай по горячим следам ищут убийцу... Это ж надо, человека убить, хоть и Буряк сволочь, но человек же... Хотя какой он человек, коль поступил хуже лютого зверя...»

Возвращался по лесной дороге, благо она недалече. По ней ездили на телегах запряжёнными лошадьми, это вдоль русла до подошвы Синего гольца. Там большая поляна, люди, державшие коров, на ней косили траву и вывозили сено. Дорога покрыта плотным дерном и немного заросшая, оттого что редко на себе видела колёса.

Матвей покрыл обратную дорогу быстро, подгонял

всплывавший пред глазами труп. Скорым шагом, проходя мимо водокачки, дед Парамонов, подметавший метлой у порога нехитрого строения, заметив его, удивился:

– Чегой-то рано возвратился, да бежишь как сохатый, аль на самом деде ни пуха ни пера?

– Потом, Кузьмич, потом, тороплюсь, некогда! – бросил Спиридонов, не останавливаясь, а дед с недоумением посмотрел ему вслед, заметив бледность на лице Матвея: «Толь приболел, толь не в себе?..»

До заката рано. В милиции все были на месте, значит, в посёлке всё спокойно, никто не дебоширил, не хулиганил. Как есть с ружьём и котомкой Матвей и вошёл в здание отделения.

– Ты чего, Спиридонов, как с небес сорвался? – удивился дежурный Зубов. – Стряслось что?

– Стряслось, старшина! У Торбеевского зимовья в Гатчинском урочище труп обнаружил.

– Труп?! Чей?

– Буряка, Гришки Буряка.

– А точно труп, может, чего напутал?

– Да ничего я не напутал, убит кем-то, лежит в крови. Какой там путать!

– Погодь здесь, никуда не уходи, я сейчас, – старшина выскочил из-за барьерной стойки и скорым шагом направился по коридору и скрылся в кабинете начальника отделения доложить о случившемся. Начальник – капитан Заморский,

прихватив с собой участкового Крайкова и следователя Камаева, появились в дежурном помещении. Глянув на Спиридонова, капитан произнёс:

– Труп Буряка, говоришь, обнаружил? Рассказывай, что да как.

– Как-как. Шёл по левой стороне Гатчинского, охотился на глухарей, услышал два выстрела в стороне, где Торбеева зимовье, думал, охотник какой, так дойду, перекушу, чаю вместе попьём. Подхожу, а тут и наткнулся, лежит Буряк и весь в крови. Кричал, кричал, никто не отозвался, я и бегом к вам.

– К трупу не прикасался? – спросил Камаев.

– Нет, какой там, ни к чему, понимаю, только со стороны рассмотрел его.

– Где у нас Ивашкин?

– В гараже, товарищ капитан, – ответил старшина.

– Пусть машину выгоняет, поедем на Гатчинский. Со мной поедут Крайков и Камаев и ты, – капитан слегка ткнул указательным пальцем Спиридонова и обратился к старшине: – Зубов, позвони в управление прииска, чтобы срочно выделили машину для перевозки трупа в город и в амбулаторию, предупреди там: заедем, прихватим с собой врача или фельдшера, должны же смерть засвидетельствовать, да носилки пускай приготовят, нести придётся, к зимовью не подъедешь.

На выходе из здания милиции капитан «обрадовал» Край-

кова:

– Илья, ты сопроводишь труп до города.

Такая чрезвычайная заявка из милиции была удовлетворена без промедления, и вскоре бортовой ЗИЛ подкатил к отделению.

Солнце скрылось за горизонтом, когда две машины выехали из посёлка в направлении Верхнего Аканака. До сумерек рано, но они начали давать о себе знать.

Прибыв на место, откуда можно добраться до зимовья только пешком, и прихватив носилки, все, кроме водителя ЗИЛа, направились по еле приметной тропе вслед за Спиридоновым.

Подошли, здесь ничего не изменилось – Буряк лежал неподвижно невдалеке от избушки, его рюкзак и ружьё при нём.

Фельдшеру помогли расстегнуть ворот убитого, она пощупала пульс на горле под подбородком, приподняла сомкнувшиеся веки и выдохнула:

– Покойник.

Пока тело укладывали на носилки, Камаев осматривал зимовье, обшарил всё, что в нём находилось, обошёл вокруг избушки, внимательно изучал почву. На земле лежали две латунные гильзы, поднял, повертел в руках. «Двенадцатый калибр» – про себя отметил он, обратив внимание на заводскую маркировку. Поднёс к носу, ощутил запах сгоревшего пороха. Что привлекало его внимание, записывал каран-

дашом в блокнот – понадобится для составления протокола осмотра места происшествия и для следствия. Со стороны Камаев виделся опытным сыщиком.

Тащили носилки поочерёдно, менялись, тяжело и неловко, приходится обходить деревья и кустарники и шагать не близко, рюкзак и ружьё убитого нёс сержант-водитель. Наконец дошли до машин и погрузили тело в кузов ЗИЛка.

Возвратившись в посёлок, ЗИЛ в сопровождении Крайкова далее последовал в Бодайбо. Заморский наставлял:

– Пока будете в пути, позвоню в городскую больницу, попрошу, чтобы анатом как можно быстрее сделал вскрытие и заключение выдал. Бумагу заберёшь и вернёшься, сегодня уже не получится, так завтра, – повернулся к остальным: – А мы все хором, кроме фельдшера, в отделение.

– Так я домой пойду, семья уж заждалась, – отказался Матвей.

– Э, нет, Спиридонов, поедешь с нами, кое-что уточнить надо, – возразил Камаев.

– Надо, так надо... – удручённо согласился Матвей, чувствуя свой голодный желудок – «сосал», требуя своё.

В отделении Заморский, прежде чем пойти к себе, обратился к Камаеву:

– Давай, разберись со Спиридоновым и ко мне заглянешь.

– Пошли в кабинет, – мотнул головой следователь Матвею. – Ружьё и котомку, и если имеется нож, оставь у дежурного, ремень со штанов тоженими.

– А ремень-то зачем?

– Так, на всякий случай.

Матвей так и поступил.

Зашли в кабинет.

– Ну, рассказывай, как на самом деле было?

Матвей вскинул глаза:

– Что значит на самом деле? Я ж рассказывал, что и как.

– Да нет, гражданин Спиридонов, не всё ты нам разложил.

– Что ещё рассказывать. Вы чего хотите от меня, товарищ лейтенант?

– Какой я тебе товарищ, теперь твои товарищи те, что на тюремных нарах.

– Вы что мелите, чего голову мне морочите?! – возмутился Матвей.

– Это ты нам голову морочишь, хочешь следствие в сторону увести. Не получится, тут всё как на ладони! Бери бумагу, ручку и пиши, как и при каких обстоятельствах убил Буряка.

– Да вы что городите?! – вскипел Матвей. – Никого я не убивал!! Дался мне ваш Буряк, век его не видел бы!

– Теперь уж точно не увидишь. Завалил мужика, и нет его, а мотивы-то остались, и все обстоятельства против тебя. Пиши, говорю! – прикрикнул Камаев.

Матвей сидел ошарашенный, голова загудела, словно по ней ударили чем-то тяжёлым, а следователь продолжал:

– Всем известна твоя неприязнь к Буряку, весь посёлок только об этом и говорит, и нам известна причина. Грозился

убить его? Грозился. Выследил, когда человек на охоту выбрался, и за ним, а чего, кругом ни души, а тайга всё спит. Всё уладил и прибежал доложить, вроде кто-то убил и скрылся, отвести, значит, от себя подозрения. Ишь, обвинитель, прокурор, судья и палач в одном лице! Никогда бы на тебя не подумал. Вроде и семьянин хороший, а тут... За девочку решил отомстить, так у меня от неё показание имеется: по согласию с Буряком в постель легла, а ты пред ней уши развесил, слезам поверил.

– Да, так и было! Изнасиловал он её, а дивчину запугал до икоты. Вы б вникли в суть, так и сами заревели бы слезьми горькими. Страдает девица, и бабка Агафья с ней мучается. Кто ж сироту защитит!

– Вот ты и защитил – убил насильника, если он действительно насильник, и доволен.

– Не убивал я никого! Не убивал!!

– Довольно, и нечего голос повышать. Значит, так, оставлю я тебя до выяснения в капёзе (камера предварительного заключения), подумаешь, пораскинешь мозгами, а завтра и напишешь всё по порядку.

– Во-первых, мне не о чем писать, во-вторых, меня дома ждут, и я голодный.

– Дома подождут, а что голодный, так наверняка в твоей котомке из еды имеется что-либо. До завтра хватит, а там, если оставим ещё, так на довольствие поставим. Дежурный имущество по описи примет, ничего не пропадёт, всё вер-

нём, кроме оружия и ножа охотничьего.

– Я же не уголовник, чего в камеру и вещи забираете?

– Пока нет, но кто знает...

– Вы хоть жене сообщите, что здесь, а то уж с ума там сходят, потеряли.

– Сообщим, с этим не замедлим.

Глава 7

Камаев попросил старшину помочь занести в его кабинет оружие и вещи Спиридонова и убитого.

– Так опись же составить надо, – заметил Зубов.

– Ты скажи Ивашкину, пускай тебя подменит, а мы с тобой и составим.

Занесли ружья, патронташи, ножи и рюкзаки. Зубов вышел, а Камаев на стол высыпал рюкзак, принадлежавший Буряку. Первое, что заметил, о стол брякнула блестящая из нержавеющей стали зажигалка с изящной гравировкой. «Ого, вещь-ца занятная, редкая!» – воскликнул и открыл крышечку зажигалки, крутнул колёсико, и фитилёк дал огонь. «Буряку уже без надобности, а мне сгодится» – с этими словами зажигалка оказалась в его кармане.

Вернулся старшина, и принялись за опись имущества. Быстро описали типы и калибры ружей, виды ножей, посчитали количество патронов, среди вещей находились фляжки, одна с брусничным морсом, вторая с водкой.

– Харч, что в котомке Спиридонова, – хлеб, шматок сала и фляжку с морсом передай ему.

– А с этим что делать? – Зубов взял в руки фляжку с водкой и показал на бутерброды с колбасой.

– Хранить незачем, испортится, а водку... – Камаев задумался и предложил: – Перелей в графин, а тару к описи. Как

Заморский уйдёт, горячее с бутербродами оприходуем, помянем покойничка, – усмехнулся Камаев.

Всё, что описали, Камаев сложил в своём металлическом шкафу, закрыл дверцу, вставил ключ и провернул его в замке, перечень изъятого имущества положил в свой стол и вместе со старшиной покинул кабинет, закрыл дверь и поспешил к Заморскому.

– Чего ты там задержался? – встретил следователя капитан.

– Так пришлось оставить Спиридонова, в камеру определил до выяснения обстоятельств. Много улик против него, так разбираться надо, плетёт тень на плетень, никак отпустить пока нельзя.

– Тоже мне мысли такие пришли, но как-то в голове не укладывается. Бригадир забойщиков не первый год, порядочный, ничем не запятнан, на хорошем счету прииска. Я тут, пока ты с ним разбирался, позвонил начальнику шахты и директору прииска, так оба удивлены и не могут поверить, что Спиридонов мог пойти на такое. Да, знают, грозился Буряка убить, открыто грозился, но сомневаются, вряд ли на такое способен.

– Вот именно, сомневаются и вряд ли, не утверждают же. А тут в состоянии озлобленности за изнасилование девицы, видать, нервы сдали, хотя та сама к Буряку пришла, сама и... Опросы имеются.

– В жизни бывает так: на бумаге одно, а на самом деле

другое, тут нить тонкая. Так что тщательно подойди, разберись, прежде чем дело в суд передавать.

– Разберусь, – ответил Камаев и с позволения Заморского вышел из кабинета.

Камаев грезил острым желанием перевестись в городской отдел милиции, получить повышение по службе. Здесь он засиделся в лейтенантах несколько лет, поселковая жизнь осточертела. «Вот раскроешь какое громкое дело – вскрыешь цепочку расхитителей социалистической собственности, или раскроешь хищников с золотом, или убийство на чистую воду выведешь, так и повод будет в Бодайбо перевести, может, и на область рекомендацию дадим, а так давай, Рашид Закирович, пока здесь службу неси», – слышал он наставления городского начальства.

И нёс службу Камаев, терпя однообразие: разборки с руганью и драками на бытовой почве, с пьяными дебоширами, кражами и хулиганами, по разным злоупотреблениям и правонарушениям, что происходили на вверенной территории в посёлках и на прииске. А тут на тебе – убийство! «Да я ж из кожи вылезу, но засажу Спиридонова, всё складно разложу, комар носа не подточит! Всё против него!..» – теперь рассуждал Камаев.

На следующий день, когда пришёл Камаев на работу, его с раннего утра ждала жена Спиридонова, сидела на лавке против дежурного в гнетущем состоянии и красными глазами от ночных слёз. Увидев вошедшего лейтенанта Камаева, кину-

лась к нему:

– Товарищ следователь, да как же так, за что Матвея арестовали? Ваш сержант как зашёл, так с порога огорошил: мой муж Буряка застрелил, так чуть на ногах устояла. Сказал, вы дело ведёте, все вопросы к вам, вот и пришла, а как же. Какой он убийца? Да ни в жизнь никого ещё не обидел, а на такое и вовсе не пойдёт!

– Успокойтесь, гражданка Спиридонова, да, пока в камере, будем разбираться, – бросил Камаев и проследовал мимо, Галина вслед лишь успела взмолиться:

– Уж, пожалуйста, товарищ следователь, разберитесь, не мог он!..

Так начался для Камаева сегодняшний день. Он не удивился, знал, естественно, жена примчится узнать и станет ходатайствовать об освобождении мужа, а посему ответил так: вроде успокоил и в то же время сразу отвязался от неё. Он ещё со вчерашнего вечера в уме прикинул и позвонил директору прииска, кого следует ему сегодня вызвать на беседу, взять показания, объяснив причину срочности расследования убийства человека, как этого требует начальство сверху. Себя же озадачил: показания нужны, чтобы мы помогли усилить его следственные мероприятия, построить вопросы так, ответы на которые обосновали бы вину задержанного или придали вес аргументам.

В список включил начальника шахты Тарасова, остальных членов бригады Спиридонова: Хапугина и Воротникова; ста-

рика Парамонова, дежурившего вчера на водокачке (Спиридонов обмолвился, что он его видел, когда шёл на Гатчинский и возвращался, и даже накоротке обменялись словами). Подумал и решил добавить в список и Нюру Соломину (её девичья фамилия), пострадавшую от Буряка. Её он приглашит отдельно, через Ивашкина.

На самом деле сверху никто не торопил, а поступило указание отодвинуть текущие менее важные разбирательства и основное усилие сосредоточить на выявление вопиющего преступления. Камаев от себя преподал директору прииска о срочности, сославшись на городское руководство.

К радости Камаева, и так уж получилось, к несчастью Спиридонова, утром в отделение поступила телефонограмма Заморскому, что он должен завтра выехать в Бодайбо и сразу вылететь в Иркутск на двухнедельные сборы начальствующего состава органов милиции. Временное исполнение обязанностей начальника отделения возложено на лейтенанта Камаева.

Вскоре появились те, кто был приглашён явиться в милицию пораньше. Первым пришёл Парамонов, с него и начал следователь.

– Та-ак, – протянул Камаев, – Парамонов Пётр Кузьмич, так и запишем, – спросил дату рождения и адрес проживания и внёс соответствующую запись. – Вы вчера находись на дежурстве по водокачке, видели ли вы Матвея Григорьевича Спиридонова? Если да, то когда и в котором часу?

– Как ж не видал, два раза видал. Ён, когда утром в сторону Аканака ишёл, так махнул рукой, тем и поздоровкались. На охоту ишёл с ружьишкой, на Гатчинский ток направлялся, я ему ишо удачи пожаловал, так он отшуткнулся. Потом когда ён возвернулся, после обеденного часу, каво там, даже опосля заплуденья это ужо было, так мимо пробёг, так и разговору не получилось, встревоженным уж больно выглядел, спешу, сказал, и дале побёг, а куда побёг, это уж не знаю мне.

– Встревоженный, говорите?

– По лицу дуже волнения проступали.

– А ещё кого-нибудь приметили из проследовавших людей на Верхний Аканак вверх по долине?

– Ишли, двое ишли, аще раньше до Спиридонова, двое ишли и тоже с ружьями, с ними разговор чуток мимоходом был. То местные, приисковые Хапугин и Буряк. Как жизнь спросили и дали прикурить мне. Цигарку с махоркой скрутил, шась по карманам, ан спичек нет, в дежурке оставил, так они достали поджигалку, чик и подносили огонёк, закуривай, говорят, Кузьмич, и подались дале. И неведомо мне, куда ишли, могли дале по Аканаку ушагать, могли и по Гатчинскому ключу, не спрашивал.

– А ничего не напутали?

– Та как ж могу напутать, коли в глаза имя смотрел.

– Если нет ничего добавить, здесь распишитесь.

– А тут чего, за чего закорючку ставить?

– О чём мне рассказали, я на бумаге изложил, так положено.

– Тогда можа, коли положено.

Следующим в кабинет зашёл Тарасов, он спешил, ждали производственные дела. Поздоровались – и сразу начались вопросы и ответы.

– Афанасий Петрович, вы наверняка хорошо знаете Спиридонова. Обрисуйте в двух словах, что он за человек.

– Толковый бригадир, работающий, сам пашет и своим в бригаде расслабляться не позволяет, правдолюб, честный, в семье, насколько знаю, полный порядок. Вот так, если кратко.

– Вы уже в курсе, Спиридонов обвиняется в совершении убийства, что на это ответите?

– Никак к уму не могу приложить, что Спиридонов мог убить Буряка, сомнения у меня велики.

– Больше сомнение, а не утверждение?

– Как можно утверждать, я же сказал, большие сомнения, ну не тот он человек. А что, если случайно вместо глухаря Буряка зацепил? На охоте всякое бывает, если по неосторожности. Помните, три года назад Куприянов напарника ранил на утиной охоте. А тут и не знаю, что думать...

– Вы же в курсе, Спиридонов грозился убить Буряка, открыто, прилюдно, не скрывая ни перед кем своё предвзятое к нему отношение. До меня дошли слухи, но я их проверю, при беседе с членами бригады подозреваемый устроил дра-

ку, побил Буряка.

– Вроде было такое, сам не видел, но мужики мне рассказывали. Спиридонов со злобы налетел, с кем не бывает, когда за несправедливость душа разрывается, вот и сорвался в гнев, раз ненависть на него в себе затаил. Буряк... – вздохнул и ухмыльнулся Тарасов, – это ж надо, изнасиловать девушку, баб ему не хватало, сирота, ещё в жизни ничего не видела, а тут он ей по этой жизни и рубанул своей подлостью. Ей горе, а ему потеха. Сволочь он в таком разе, нельзя покойников корить, но на язык просится, а то и по круче выразился бы...

– Ну, последнее я записывать не стану, что там меж ними на самом деле произошло, это меж ними и останется. Кстати, Нюра после поднятого шума бабкой Агафьей Гороховой была у меня, собственноручно написала: ни неволил её Буряк, сама в постель легла с ним, так что, увы.

– Если припугнуть, так не такое написать можно, а Буряк так и поступил – припугнул, это уж как пить дать. Девушку знаю, скромница и не из таких, чтоб без замужества в постель кому кидаться.

Последнее Камаев пропустил мимо ушей, а акцентировал:

– А то, что вы, Афанасий Петрович, подметили, так и есть, Спиридонов в злобе сорвался, злобу затаил, это налицо, и я в том согласен. То есть человек невыдержанный, неуравновешенный, способный на исполнение своих угроз, к тому же в состоянии, как принято говорить, аффекта. За девушку горой встал, душой вскипел и готов был отомстить, а тут уж

и...

– Если рассуждать по-вашему, то вроде так, но...

– Так вы ручаетесь, что убить Спиридонов не мог насильника, хотя и весьма озлоблен на него был?

– Кто его знает, злоба в нём на Буряка была, а как за чужого человека поручиться, чужая душа потёмки, не спросишь, не заглянешь. Не знаю, что добавить. И всё равно, сомнения у меня на счёт Спиридонова, не мог... Загадка прямо...

Камаев внимательно всё время слушал собеседника, уточнял детали, непрерывно записывал.

Ещё он задал пару наводящих вопросов, дописал что-то на листе бумаги и подал Тарасову:

– Афанасий Петрович, подпишите, пожалуйста, внизу фамилию, имя и отчество, распишитесь и поставьте дату.

Тарасов быстро пробежался глазами по тексту, исполнил просьбу и вышел, а бумага легла в папку.

В эту папку будет вложено и анатомическое заключение, которое сегодня привезёт Крайков.

Глава 8

После обеда в милицию подошли ещё двое: горняки из бригады Спиридонова – Воротников и Хапугин. Камаев пригласил к себе Воротникова.

– Фамилия, имя отчество, когда родился, где проживаете?

Харитон отвечать начал с адреса:

– Артёмовский, улица Нагорная, дом семнадцатый, – назвал фамилию и всё остальное, следовательно записывал.

– В бригаде Спиридонова сколько лет работаешь?

– Ноне будет шесть лет, а так знаю его дольше, в одной шахте работаем.

– Вы были свидетелем драки в забое шахты, на почве чего произошло избиение Буряка Спиридоновым?

– Скажете тоже – избиение, ну, ударил он его два раза крепко, так за дело – сироту обидел, жестоко поступил с ней, так в нём злость и вспыхнула. Поганец этот Буряк, да все в посёлке его осуждают.

– Ну, это суды-пересуды, а скажите, как грозил Спиридонов Буряку, что говорил?

– Кричал на него: подлец, насильник, ещё как-то. Признаться, так и мне хотелось кулак приложить к Григорию, пусть не гневается покойник упомянутый.

– А как конкретно, слова какие употреблял?

– Страшал: убью, зарюю, закопаю, за грудки хватал, тряс.

Что со зла не вылетит... А Матвей на кого руку наложить, так это не про него. Нет, не поверю. По натуре мужик строгий, с членами бригады ровно ведёт, работающий и по справедливости всегда рассудит.

Несколько заданных вопросов Камаеву ничего нового не дали, и он закончил беседу с Воротниковым, отпустил его, но прежде заставил расписаться за показания. Доброй характеристикой на Спиридонова он остался недоволен, но и не расстроился – Воротников подтвердил избиение Буряка и нешуточные угрозы в его адрес.

Оставался Хапугин. Он ждал внешне спокойный с виду, но внутренне нервничал.

Камаев глянул на вошедшего горняка и подумал: «Сейчас начнёт расхваливать Спиридонова. Ну да ладно, пусть эмоции оставит себе, главное, чтобы подтвердил угрозы и избиение Буряка, намерения его убить».

Записав установочные данные шахтёра, Камаев строго спросил:

– Знаешь, зачем тебя вызвал?

При так поставленном вопросе и холодности во взгляде Хапугин внутренне напрягся: «Что-то лейтенант смотрит сычом и суровый. Неуж кто тень на меня навёл, подозрения строит?.. Ах ты, дьявол! Я ж впопыхах не подобрал свои стреляные гильзы!» Но тут же успокоил себя: «Гильзы не от нарезного оружия, а потому и в случае экспертизы не определить, из какого ружья из них вылетела картечь, и отнесут

их к принадлежности Спиридонова». Хапугина смущало и то, что, вернувшись вчера домой, он не обнаружил своей зажигалки. Вроде сунул её в рюкзак, но в нём она не оказалась, значит, обронил где-то, и это его настораживало. Милицейская форма следователя ещё более вселяла в него растерянность.

– Слухи по посёлку: Спиридонов убил Буряка, так могли и я чем помочь следствию...

– Правильно мыслишь. А и вправду, чем помочь следствию сможешь?

– Не знаю, я далёк от истинности, только свои соображения имею.

– И какие же?

– Думаю, а вернее уверен, Спиридонов убил Буряка из-за Нюры Соломиной. Сильно рассердился Матвей тогда, когда в забое, злобный, словно пёс взбесившийся, и с кулаками на Буряка кинулся, бил его, да крепко, сила-то в нём медвежья.

Камаев оживился, ему понравился ход изложения ситуации Хапугиным, а тот заметил перемену на лице следователя: «Ага, знать, лейтенанту никакую тень никто на меня не наводил, тухнул я малость...»

– А почему ты считаешь, что Спиридонов мог совершить преступление?

– Уверен! Матвей за правду всегда горой стоит, спуску никому не даст. А тут такое Буряк утворил, а Нюра-то, она соседка ему будет, жалеют они её всей семьёй, у них в гостях

частенько бывает. Вот ум за разум и вышел от гнева. Кипел Матвей как самовар, мол, подкараулит в укромном месте, убьёт, закопает. Я не лез в этот скандал, на кой мне. Поди разберись, где правда, а где ложь, в своей семье-то не каждый разберётся и понять не может, кто что наговорит, нагородит. Хотя Буряк мне по секрету сказал: с Нюркой-то он против её воли переспал. Не знаю, правду говорил или лгал, но искренними глазами глядел. Да опять-таки, Нюрка-то к Буряку жалоб не имела. Это бабка Агафья мутит, жалко ей, как и Матвею, что девка честь потеряла, вот пар и выпускает. Ну, бабник Буряк, все в посёлке знают, но скажите, кто из баб на него жаловались? Да никто! Видать, всех удовлетворяет, – Хапугин хихикнул. – Так и с Нюркой, думаю, было, иначе б заявление мигом в милицию накатала.

– Что ж, правильные рассуждения ведёшь, Василий Романович.

Хапугина от такой вежливости следователя понесло дальше:

– Заманил Матвей Гришку, а скорее всего, выследил, когда Буряк подался на охоту в Гатчинское урочище, а у лесной избушки-то и застрелил бедолагу.

– А откуда тебе известно, что у зимовья это произошло?

– Так весь посёлок со вчерашнего вечера только об этом и говорит.

– А вот твой коллега по работе Воротников не верит, что Спиридонов убил Буряка.

– Знаете, веришь не веришь – это слова. Я тоже как узнал, не поверил, но факт-то вона как вылез. Матвей, понятное дело, сейчас назад попятится, любой на его месте отпираться станет, себя выгораживать. Судить таких надо, судить! Какой-никакой Буряк, но он человек, а не курица. Птицу и ту, когда отрубишь ей голову, забьёшь, так руки трясутся, а тут такое...

– Тебя видели вместе с Буряком, когда вы оба направлялись на охоту.

– Кто ж это видел? – насторожился Хапугин.

– Мимо водокачки шли, и дежуривший там Парамонов утверждает, направились вместе по Аканaku вверх.

– А-а, правду говорит дед, виделись, словом перекинулись.

– А дальше?

– Дошли до устья ключа Гатчинского, а потом каждый своей дорогой. Я по Верхнему Аканaku, решил к верховью речки, там два глухариных тока знаю, а Григорий подался по Гатчинскому ключу, там тоже ток есть добрый.

– А выстрелы ружейные слышали?

– Нет, не слышал, до Гатчинской избушки через голец от Аканака, где я находился, километров семь-восемь, а то и больше будет, где ж услышишь.

– Так и было?

– Вот вам крест! – Хапугин наложил на себя крестное знамение.

– А как о вас начальство, какого мнения?

– Не знаю, но на плохом счету не числюсь, не прогуливаю, работаю на совесть, почётные грамоты получал, премии, плохого слова в свой адрес не слышал.

Показания Хапугина получились на трёх листах, внесено подробно и самое существенное, он подписал их и был отпущен.

Сейчас для Камаева картина представлялась такая: мотивы имеются, и они неопровержимые, угрозы и избиение Буряка засвидетельствованы, есть очевидцы. Не помешало бы усилить и побуждение к убийству – изнасилование Нюры Соломиной, что привело Спиридонова к нервному срыву и подтолкнуло его отомстить насильнику, для чего он и вызвал пострадавшую. А далее дело за уликами и вещественными доказательствами. Они у него в кабинете. Всё связать, увязать, оформить нужным образом.

Пригласить Соломину Камаев запланировал на конец рабочего времени, о чём она была предупреждена Ивашкиным. И она явилась, на лице с удивленным и удручённым видом.

– Гражданка Соломина, я вызвал, чтобы уточнить некие факты. Их следует подтвердить или опровергнуть, – начал Камаев и достал листок с её показаниями, которые она давала после посещения милиции Агафьи Митрофановны.

– Какие факты? – насторожилась Нюра.

– Я веду следствие по поводу убийства, совершённого не

так далеко от посёлка. И ты знаешь, о ком речь, мне известно, весь посёлок со вчерашнего вечера уже трезвонит. Спиридонов заключён в камеру временного содержания... – Нюра вспыхнула и дрожащим голосом прервала следователя:

– Матвей Григорьевич не мог этого сделать, не верю этому.

– Не тебе судить, мог, не мог, следствие разберётся. Вопрос в другом: если возникнет необходимость у суда вызвать тебя в качестве свидетеля, подтвердишь свои показания по поводу отсутствия претензий к Буряку или нет?

– Теперь нет... – прямо глядя следователю в глаза, ответила Нюра.

– А что делать с этими показаниями? – Камаев показал подписанный ею листок бумаги.

– Я напишу другие. Матвей Григорьевич не напрасно возненавидел Буряка, но и не убивал он его. Буряк насильно поступил со мной... – Нюра стыдливо опустила глаза.

– Пожалуйста, тогда пиши заявление, вроде как в твоих интересах получается. В таком разе себя реабилитируешь в глазах местных жителей, а то нашлись сплетники, охочие языки почесать, порочат твоё имя, а оно, оказывается, против твоей воли произошло. Буряк-то покойник, а тебе жить дальше, так всё меньше груз на душе, и болтуны рот закроют. Вот тебе бумага, ручка, пиши.

Нюра долго не раздумывала и тут же написала собствен-

норучно заявление на имя начальника отделения милиции
Заморского.

Глава 9

Думы Матвея Спиридонова просто разламывали голову от обрушившейся на него беды, несправедливого приговора. На пятый день нахождения на зоне он отбросил всё же эмоции в сторону и начал рассуждать о том злополучном дне, хотя и корил себя: зачем открыто угрожал Буряку и побил его, а главное, какого лешего подался к избушке, когда услышал ружейные выстрелы, а теперь и получил. Если б можно было предвидеть!

Он вышел из дому с намерением поохотиться в Гатчинском распадке. Шёл обычной дорогой, она ему знакома до мелочей. Какой год подряд бывал здесь на глухарином токе, а дед Торбеев никогда не возражал, даже был рад видеть, чаю испить и обмолвиться словом накоротке, как-то сложились меж ними добрые отношения.

Уже два года как человека нет, а сюда тянет. Податься в другие привлекательные для охоты распадки, так они далековато, на то время дольше в дороге и хозяева угодий коситься станут. Не сказать прямо – хозяева, это образно, но за ними закреплены угодья договором со зверопромхозом, а в нём прописан план по сдаче дикого мяса и пушнины, боровой дичи, что в этом таёжном месте обитают, а иным и хариуса полагалось наловить, смотря какая речушка. Охотник, что сдаст, что и оставит себе, не без этого, как год вы-

дастся; олень и соболю не привязаны, вольные в своём передвижении, тайга им кормилица, где кормов больше, там их и привлекает.

Услышанные два ружейных выстрела не удивили, раз здесь водятся глухари, значит, и окромя его кто-то пришёл раньше. Поспешил увидеться с охотником-любителем. И лучше не ходил бы. Буряк лежал мёртвым, две стреляные гильзы вблизи избушки. Трогать и поднимать не стал, не прикасался к убитому и его вещам. Начитался и наслышался, сколь бывает несчастий от отпечатков пальцев в подобных случаях.

Было ясно – преступник скрылся до его прихода, незаметно и бесшумно. Случайно или с умыслом произошла пьяная ссора и неизвестный, всплыв, схватился за ружьё? Вполне мог избавиться от Буряка и по личным причинам и привёл его сюда. А что, если кто из местных убил Буряка, отомстил за Ньюру? Точно! Вполне! В посёлке настрой у многих таков, что некоторые готовы удушить его. Но кто? Кто? Чего гадать, кинулся сообщить в милицию. Прибежал, а тут по-своему рассудили. А этот Камаев готов выслужиться, не там носом рыл, тянул своё и слушать не хотел, упёртый татарин, не желал вникнуть. А суд, какой же это суд, всё по бумагам нарисованным разложил – и на тебе, Матвей Григорьевич, получай срок...

«Нет, надо выбирать, бежать с зоны и самому как-то раскрутить клубок, за кого-то ишачить даром, хлебать ба-

ланду и на нарах спать – это не по справедливости. Бежать! А как бежать?.. И куда бежать, с чего начать, если собрался найти убийцу?.. Не в бега же бросаться и прятаться от людей, так Галина с ребяtnей с ума сойдут. Вот влип, ети твою ети!..»

На седьмой день Матвей для побега, что называется, созрел основательно и кое-что заметил, прикинул. А тут и обстоятельство под стать.

Бригаду из пятерых заключённых поставили на очистку штрека. Надзор поступил на этот раз неосмотрительно, не учёл особенности имеющихся выработок на этом участке. В бригаду попал и Матвей. Старшим назначили Кашея – такое его погоняло, а так по фамилии Кашеев. По комплекции почти со Спиридонова, на зону попал ещё перед войной. Сначала работал на поверхности, а как война началась, спустили в шахту, где кайла и тачка. Двое других с сорок седьмого года, пригнали этапом через Киренск на барже, а с Бодайбо на «Мараказе» до Смольного. Они всегда сообща всюду, и нары рядом. По внешности вроде русские, но больше смахивают на метисов. Пятый попал с полгода назад, худой и длинноногий, на зоне Клещ сразу дал ему кличку Циркуль.

Матвей хорошо знал штрек, его протяжённость и отходящие от него выработки – квершлагги, выходящие на главный горизонтальный уровень шахты. Знал, где идут нарезные выработки и те, которые выходят на поверхность, – это вентиляционный ствол, он далековато от главного грузоподъёмно-

го и людского ствола и наклонной штольни, по которой откатывались на вагонетках промытые пески в терриконик.

Кащей бригаду разделил – Матвея направил вверх по штореку с двумя метисами, а сам подался вниз в паре с Циркулем.

Тут и осенила мысль бежать именно сейчас! Когда такой случай представится? Не воспользоваться – значит, день побега отодвинется на неопределённое время. Напарникам велел производить очистку, указав границы, сам же продвинулся от них на сорок-сорок пять шагов. Под ноги подсвечивал шахтёрский керосиновый фонарь. Принялся работать лопатой, а всё думал, осмысливал, как лучше и удачнее осуществить задуманное, и медленно продвигался по выработке далее.

Те двое копошились с очисткой, чуть позже о чём-то начали оживлённо шептаться, копаясь в нише. О чём они шептались, Матвей не прислушивался, не до них.

Поравнялся с квершлагом и нырнул в выработку, далее мимо временно законсервированных забоев и до вентиляционного ствола. Ствол малого сечения, но имевший узкое лестничное отделение с выходом на поверхность. Матвей глянул вверх и увидел кусочек неба. В основании ствола заметил топор, кто-то из рабочих оставил случайно инструмент, такое бывает редко. Машинально рукой ухватил за топориче. В другой держал шахтёрский фонарь, он его затушил и полез по лестнице. Но тут внизу услышал какие-то го-

лоса, шум, но смотреть вниз и прислушиваться было некогда.

Нежданно преградила путь металлическая решётка из тонких железных прутьев, примкнутая небольшим замком. Топором подцепил край решётки, и дужка замка откинулась, отбросил в сторону решётку и выбрался наружу. Если бы замок повесили большой, пришлось бы повозиться, и вряд ли смог вылезти. «Странно, ведь днями ранее примечал, до этого не было этой металлической решётки, а просто крест-накрест прихвачено несколькими плахами, я бы одним плечом выдавил одну из них. Значит, буквально вчера-позавчера и установили решётку».

Выбравшись наружу, бежал в сторону склона сопки, заросшей лесом, через метров семьдесят обернулся и опешил – из только что покинутого им ствола один за другим вылезли метисы и кинулись вслед за Матвеем. Догнали. В руках обоих по шахтёрскому фонарю и у одного небольшой, но увесистый тряпочный свёрток, у второго наган.

– А вы, черти, с какого перепугу?! – зло прошипел Матвей. – Откуда наган?!

– Так зырим, как ноги уносишь, а в преисподней нам тоже горбатиться неча, – ответил один, а второй, размахивая револьвером:

– Ты местный, тайгу знаешь, так сообща и двинем, а без пушки в тайге сам знаешь.

– Никуда я с вами двигать не собираюсь. У меня здесь кое

с чем разобраться надо. В тайге день-два отсижусь, а там дела у меня, мужики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.